

восточная история в романах

Анатолий Ильяхов

ОРЁЛ В СТАЕ НЕ ЛЕТАЕТ

Анатолий Гаврилович Ильяхов

Орёл в стае не летает

Серия «Всемирная история в романах»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51371429

Орёл в стае не летает: роман / Анатолий Ильяхов: Вече; Москва; 2020

ISBN 978-5-4484-8149-9

Аннотация

IV век до н. э. У македонского царя Филиппа подрастает сын Александр, но отец недоволен его воспитанием. Чтобы вытравить из мальчика взбалмошность, царь приглашает нового наставника, философа Аристотеля, и пусть философ никогда прежде не занимался со столь юным учеником, дело воодушевляет. Ещё бы! Ведь ученик очень способный, поэтому из него можно воспитать идеального правителя... Однако Александр не стремится быть идеальным – он хочет быть великим! Его мечта – завоевать то, что не успеет отец, стать «царём эллинов» и не только! Судьба словно нарочно распорядилась так, чтобы Александру, когда тому было семь лет, пришлось в отсутствие отца принимать посольство персов. Самодовольные и насмешливые, они в итоге оказались посрамлены маленьким мальчиком, не по возрасту разумным. Что же будет, когда мальчик вырастет?

Содержание

Об авторе	6
Великий учитель великого ученика	10
Вместо пролога	20
Глава 1. Полдень на Лесбосе	23
Двое	23
Письмо	37
Глава 2. Выбор	45
Филипп	45
Феопомп	49
Исократ	53
Аристотель	57
Глава 3. Посольство	62
Царевич Александр	62
Персы в пелле	68
Глава 4. ИЗгой	82
Стагиры	82
Детище Платона	88
Новичок	91
Погружение в философию	95
Цена истины	99
Троада	109
Гермий	111
Глава 5. Прощание с Лесбосом	117

Сборы	117
Итоги Митилены	119
Глава 6. Македония	127
Неожиданный диспут	127
Встреча с дельфинами	136
Пелла	141
Глава 7. Во дворце	145
Филипп	145
Наследник	152
Откровенный разговор	158
Конец ознакомительного фрагмента.	167

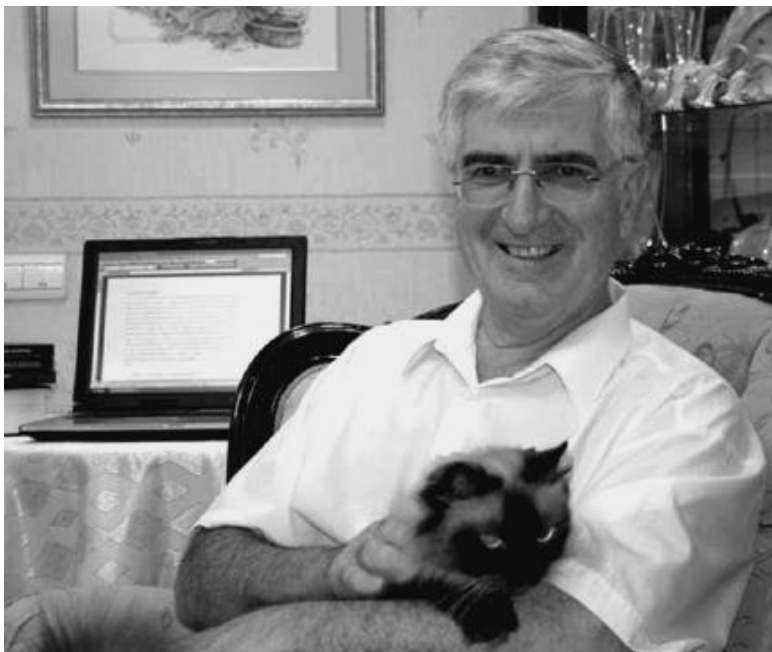
**Анатолий
Гаврилович Ильяхов
Орёл в стае не летает**

© Ильяхов А.Г., 2020

© ООО «Издательство „Вече“», 2020

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия,
2020

Об авторе

Анатолий Гаврилович Ильяхов, автор двух десятков научно-популярных и художественных произведений, родился в 1941 году в Сочи, в настоящее время живёт в Краснодаре.

До того как получить признание в качестве популяризатора Античности, писатель, по его собственным словам, про-

жил «большую и интересную жизнь инженера-строителя». Успешный карьерный рост от мастера участка до руководителя крупного производственного объединения сам по себе говорит о многом. Так же как и ответственная работа по контракту в Монголии и Афганистане в сложные для СССР годы.

В юности, общаясь со сверстниками из греческой диаспоры в Сочи, Анатолий Ильяхов услышал, что их предки – переселенцы из Греции. Возникший после этого интерес к греческой истории побудил познакомиться с трудами Геродота, Страбона, других историков. Так будущий писатель узнал, что греки ещё в VIII веке до н. э. «открыли» Чёрное море для торговли с местными племенами, массово организовывали поселения-колонии. Греческие полисы появились на побережье современного Крыма и Северного Причерноморья, в том числе города-государства Херсонес Таврический и Боспор Киммерийский, сосуществуя со скифами, таврами и прочими аборигенами Киммерийского полуострова.

В школьные годы Анатолий Ильяхов услышал имя Александра Македонского, воодушевился его полководческими подвигами и решил, что обязательно напишет о нём роман. Юношеская задумка стать писателем осуществилась через сорок лет, когда автор вышел на пенсию, ведь именно тогда появилась возможность перечитать собранные за всю жизнь в домашней библиотеке книги по античной тематике, переосмыслить собственные «литературные зарисовки», что ве-

лись все годы. В итоге помимо прочих трудов Ильяхов создал целых три романа о жизни Александра Македонского, каждый из которых отличается уверенной энциклопедичностью и захватывающей исторической фактологией. Даже подготовленный читатель обнаруживает в них немало любопытных сведений.

Античный мир канул в прошлое и, казалось бы, навсегда отдалился от современного бытия, но для писателя Анатолия Ильяхова древние греки, эллины, остаются живыми людьми со своими особыми страстями. Эти люди были способны на крайнюю жестокость и на удивительные прекрасные свершения, отчего их поступки и достижения, как и ошибки, преподают нам бесценный урок. По мнению автора, греческий историк Фукидид верно сказал, что «все исторические явления будут повторяться всегда, пока природа людей будет оставаться той же».

Дополнительные сведения о писателе А.Г. Ильяхове можно найти на сайте ilyahov.ru

Изданные книги автора:

Этимологический словарь. Античные корни в русском языке. 2006.

Зевсу посвящённые. Тайны древних олимпиад. 2006.

Вакху посвящённые. Секреты античной кулинарии, застолья и виноделия. 2007.

Эросу посвящённые. Античные любовные истории. 2007.

- Афине посвящённые. Античная мудрость. 2007.
- Пир мудрецов. Притчи, изречения, размышления. 2009.
- Античные корни в русском языке. Этимологический словарь. 2010.
- Эллада и Кубань. Путешествие в прошлое. 2012.
- Игры эллинов у подножия Олимпа. Три тысячи лет до 2014 (2012).
- Знак Зевса – роман. 2013.
- Уроки Аристотеля – роман. 2014.
- Наедине с мудростью. Древняя Греция. 2015.
- Закон и право. Словарь правоведа. 2015.
- Человек и природа. Словарь эколога. 2015.
- Экономика и финансы. Историко-этимологический словарь. 2016.
- Наука и производство. Политехнический словарь. 2016.
- Медицина. Историко-этимологический словарь. 2016.
- Избранник Вечности – роман. 2016.
- Философия разума. Словарь эрудита. 2017.
- Античность в русском языке. Этимологический словарь. 2017.
- Три чаши Диониса. Античный код современного виноделия. 2018.

Великий учитель великого ученика

На протяжении веков умы людей невольно волнует и притягивает античный мир. Кажется непостижимым, как люди, жившие несколько тысячелетий назад, смогли добиться столь высоких достижений практически во всех областях науки, культуры и общественной жизни. До недавнего времени Античность была предметом внимания в области образования и воспитания молодого поколения во многих странах. В школах царской России детально изучали историю, язык и культуру Древней Греции и Рима. Каждый юноша из дворянской семьи мог, по словам А.С. Пушкина, «потолковать об Ювенале, в конце письма поставить vale, да помнил, хоть не без греха, из „Энеиды“ два стиха».

А сегодня лучше не просить школьников назвать даже пару имен выдающихся личностей Древней Греции и Рима, тем более «потолковать» о литературных произведениях античных авторов или о предметах искусства ваятелей того непростого и всё-таки замечательного времени.

Напряженный ритм и вечная занятость не дают современным читателям возможности углубиться в изучение древней истории. Но вот перед нами новое произведение кубанского писателя Анатолия Гавриловича Ильяхова «Уроки Аристотеля», где оказалось возможным совмещение реальных исторических фактов с авторским вымыслом. Книга, написанная

живо и ясно, позволяет даже неподготовленному читателю почувствовать Элладу IV века до н. э., в переломный этап её истории, связанный с объединением суверенных греческих городов-полисов перед угрозой персидского нашествия.

Автор знакомит читателя с выдающимися личностями того времени – философами, государственными деятелями, военачальниками, а также «людьми из народа». Герои романа, свободолюбивые и мужественные, мудрые и бесхитростные, не прощающие подлости и предательства, вполне достойны нашего уважения и подражания.

* * *

«Уроки Аристотеля» – вторая часть исторической трилогии А.Г. Ильяхова «Орёл в стае не летает». Читатели, вероятно, помнят, что в первой части «Знак Зевса» речь идёт о македонском царе Филиппе II, отце Александра Великого. Но тот, кто не успел прочитать первый роман, вполне может начать чтение со второго, поскольку автор выстроил трилогию так, чтобы каждая часть представляла собой отдельное законченное произведение.

Об Александре Македонском написаны сотни художественных книг и научных исследований. Казалось бы, что нового можно ещё нам поведать? Но автор предлагает читателю взглянуть на легендарного полководца, как говорят, «в другом ракурсе». Писателя не столько интересуется Алек-

сандр как наследник царского престола Македонии, сколько вопрос, какие обстоятельства позволили ему проявиться в качестве гегемона Эллады? В чём причина его удивительных военных успехов?

Два неординарных человека повлияли на формирование личности будущего гениального полководца. Один из них – отец, от которого Александр унаследовал любовь к военному искусству и амбиции завоевателя, другой – мудрейший наставник, известный греческий философ Аристотель, который помимо научных знаний привил царевичу живой интерес к эллинской культуре.

В большинстве литературных произведений военные заслуги Александра Македонского, как правило, затмевают деяния отца. Но царь Филипп – фигура не менее значимая в истории Греции. При его непосредственном участии Греция впервые обозначила себя полноценным национальным государством, а не ассоциацией независимых городов-полисов. Филипп предпочитал решать государственные задачи взвешенной политикой, дипломатией и зрелой мудростью на переговорах, в конечном итоге стремясь к миру в гражданском обществе. Совсем по-другому действовал Александр. Он создавал собственную державу с монархической формой управления силой оружия, беспримерной жестокостью по отношению к народам и даже ближайшему окружению друзей.

Поскольку в представлении большинства читателей маке-

донский царь Филипп остаётся только «отцом Александра Великого», А.Г. Ильяхов исправляет такую «несправедливость». Именно от Филиппа девятнадцатилетний Александр унаследовал реформированную профессиональную армию, что способствовало ему решать любые стратегические задачи. Необузданный характер Филиппа не помешал ему остаться в истории великим полководцем и мудрым государственным деятелем.

* * *

Наставник юного Александра, греческий философ Аристотель, проникший почти во все области человеческого познания, по праву считается выдающейся личностью. Показывая Аристотеля в различных ситуациях: в общении с царём, советниками, академиками-философами или учениками, А.Г. Ильяхов представляет своего героя не вырубленной из мрамора статуей, а живым человеком. Мы видим Аристотеля в научных диспутах и в домашней обстановке, на учебных занятиях и дружеских застольях... С каждой новой страницей яснее представляем себе могучий ум и неординарный, в чём-то противоречивый характер великого мыслителя древности.

Особенно интересны и познавательны в романе «уроки Аристотеля», дающие наглядное представление об образовательном процессе в древнегреческом обществе. Рассмат-

ривая возможные кандидатуры на роль учителя и наставника для своего наследника, царь Филипп останавливает выбор на малознакомом пока философскому миру Аристотеле, преподавателе афинской академии Платона, и приглашает в Пеллу в самый сложный период противостояния между Македонией и Афинами. Аристотель не отказывается от предложения, воспринимая свою будущую работу как возможность реализовать мечту философов-идеалистов – соединить тиранию власти с демократическими ценностями. В конечном итоге ему это не удаётся, но о провале своей идеи Аристотель узнает слишком поздно...

Показывая учебный процесс, принятый в Древней Греции, автор романа ничего не придумывает. Его повествование основано на глубоком знании темы, изучении античных первоисточников и научных трудов. Вместо индивидуальных занятий с царевичем, на чём поначалу настаивал царь Филипп, Аристотель устраивает совместное обучение со сверстниками Александра. По его мнению, так ученики легче воспринимают трудный материал. Всё элементарно: наглядные уроки на природе, свободное обсуждение темы, уважение мнения ученика, каким бы странным оно ни казалось на первый взгляд. Проводя занятия в таком виде, Аристотель предугадал, как пытливый ум подростка обращался к главной цели: к познанию законов развития природы и общества. словно между строк, А.Г. Ильяхов напоминает современной образовательной науке о существовании ан-

тичной педагогики, созданной усилиями греческих мыслителей. Оказывается, в учебных методах Аристотеля содержится много интересного и для сегодняшней школы!

Наставник оказался не только мудрым педагогом, но и старшим другом своего ученика. Шесть лет учебы сформировали характер Александра, отразились на его мировоззрении и отношении к людям. Но главное, «уроки Аристотеля», эллина по крови и демократа по убеждениям, понадобились молодому царю, чтобы окончательно определиться в целях и задачах власти, государственной политики.

Аристотель в романе А.Г. Ильяхова не «положительный герой» в традиционном смысле. Писатель порой рисует его хитрым дипломатом, заботящимся, прежде всего, о своей карьере, славе и признании собственного учения. Иногда он предстает как настоящий националист, пекущийся о главенстве эллинов над остальным миром, где живут варвары якобы уготовленные природой для рабства. Философ бывает груб и даже жесток по отношению к оппонентам. Он не щадит даже любимого учителя Платона, который вынужден покинуть его, не стерпев неприкрытого хамства...

В то же время во дворце македонского царя Аристотель – единственный человек, к которому в трудные минуты жизни стремится взрослеющий Александр. Даже обожаемой матери, властолюбивой Олимпиаде, подросток не может открыть сомнений, которыми делится с учителем, как с другом. За искреннюю привязанность Александра, у которого сложи-

лись трудные отношения с отцом и матерью, автор романа готов простить Аристотелю не всегда понятные сейчас привычки и особенности характера. Писатель словно говорит нам: «Не Аристотель был жесток: жестоким было время...»

* * *

То же самое можно сказать и о царе Филиппе, истинном сыне своего бурного, не всегда разумного века. После победы при Херонее пьяный Филипп, словно варвар, бесстыдно обнажившись, пирует и пляшет среди тел поверженных врагов. Его поведение вызывает резкое осуждение юного наследника, воспитанного на нравственных канонах античной литературы. Но Аристотель, которому Александр изливает душу, терпеливо объясняет, что осудить человека очень легко, гораздо трудней его понять, даже если он родной отец.

Царь Филипп, как и в первой книге трилогии, романе «Знак Зевса», обаятелен не только в своих достоинствах, но и в пороках. Дело не только в парадоксальной «притягательности зла». Филипп ведет себя так, как требует его собственная неукротимая натура. Будь он другим – получилась бы фальшь, не только историческая, но и прежде всего художественная.

Описание сражения при Херонее, в котором сошлись в смертельной схватке сводное ополчение греческих городов и македонское войско – большая творческая удача писате-

ля. Документальных свидетельств самого главного в истории Греции события почти не осталось, но автор проявил себя настоящим баталистом, описав битву так, словно сам был её прямым свидетелем и даже участником.

Образ Александра показан в развитии: мальчик, подросток, юноша. В начале повествования он ничем не приметен, кроме безудержной заносчивости. Но, по мере взросления, с каждым новым «уроком Аристотеля» мужает его характер, крепнет тело... Царевич помнит о своём великом предназначении, во имя которого готов переносить любые испытания: есть грубую пищу, ходить босиком по камням, даже терпеть жестокие наказания розгами. Какая радость засветилась в глазах Александра, когда в присутствии отца ему удалось укротить горячего дикого жеребца, ставшего для него потом боевым другом Букефалом! Подросток старается вести себя так, чтобы в будущем стать великим полководцем, достойным преемником отца:

– Когда стану царём, я пройду по всем землям, чтобы меня узнали все народы мира. Я хочу увидеть край Ойкумены 1.

Но молодой задор, романтическое отношение к жизни, беззаветная любовь к близким людям – всё рушится, когда Александр узнаёт об ужасном предательстве отца...

Отвергнув законную супругу Олимпиаду, мать Александра, Филипп женится на юной Клеопатре, годящейся ему в дочери. Для Александра ситуация усложняется тем, что отец готов объявить наследником младенца-сына, родивше-

гося в браке с Клеопатрой. Семейный конфликт переворачивает всё в сознании Александра, заставляет его «досрочно повзрослеть». Душевные муки, буря ненависти, клокочущие в юношеской груди, находят выход в безрассудных выходках Александра на свадьбе Филиппа и Клеопатры, что вызывает ответную агрессию со стороны царя и его гостей. Происходит ужасная ссора, грозящая Александру не только отречением от наследования, но и реальной смертью. В этих обстоятельствах Александр уже не мальчик, а мужчина, воин. И даже вынужденное примирение с царём не может вернуть его в прежнее состояние безоблачного детства, любви и безграничного доверия к отцу.

Неожиданное убийство царя Филиппа телохранителем Павсанием в финале романа само по себе могло бы лечь в основу отдельного произведения, настолько оно непонятно, запутано и таинственно. Но писатель сознательно уходит от соблазна «развлечь» читателей детективной историей. Не в этом идейный замысел романа. Смерть Филиппа показана предельно кратко: под ударом меча царь «дернулся телом», «медленно осел». Александр успел перехватить последний взгляд отца, исполненный удивления и ужаса...

* * *

Роман Анатолия Гавриловича Ильяхова – не развлекательное чтение, а добротный, объёмный художественно-по-

пулярный труд, дающий читателю полезную пищу для ума. Элементы беллетристики оживляют серьёзное историческое повествование, а некоторая велеречивость стиля вполне оправдана: ведь писатель показал нам великую цивилизацию, сокрытую в глубине тысячелетий.

Особенность истории человеческого общества состоит в том, что чем дальше прошлое уходит от нас, тем сильнее оно романтизируется в нашем сознании, становится возвышенно-приподнятым. Энергетика романа А.Г. Ильяхова «Уроки Аристотеля» невольно передаётся читателям, заряжая их стремлением хоть на время вырваться из повседневных будней ради того, чтобы познать и полюбить давно ушедший, но безгранично интересный неведомый мир, имя которому – Античность.

*Людмила Бирюк,
член Союза писателей России*

Вместо пролога

...Филипп с младенцем на руках вышел на середину дворцового перистиля¹. Подняв голову, стал всматриваться в сумрачное небо, сплошь закрытое облаками. Рядом с царём неожиданно появился Нектанаб, царский астролог и гадалец, – раньше он не допускал такую вольность. Странно, но Филипп не удивился его появлению:

– Что видишь на небе, царь? – услышал он.

– Я вижу облака, халдей.

– Смотри лучше – под облаками кружит птица.

Филипп повертел головой, внимательно всмотрелся в небо:

– Теперь вижу.

– Это орёл.

– Да, я хорошо вижу орла. Но почему он один?

– Орёл в стае не летает. – Голос халдея звучал негромко, но убедительно.

– Тогда ответь мне, халдей, почему орёл всё время кружит над дворцом?

– Орёл – любимец Зевса, его посланник. Он так ведёт себя, потому что подаёт знак.

– Как я могу узнать послание бога? Ты можешь сказать,

¹ Пояснения к словам, отмеченным знаком *, см. в словаре в конце книги.

халдей?

– Зевс даёт тебе знать, что видит малыша, которого ты держишь на руках, радуется ему.

– Ты уверен в том, что говоришь от имени бога, халдей?

– Верь мне, царь. Зевс сообщает свою волю через меня, потому что я его верный слуга. Сейчас Зевс послал орла, чтобы сказать, что не оставит без своего божественного покровительства ребёнка, которого ты держишь на руках. Он любит его, как сына своего. Он заложил в него силу и отвагу льва, царя зверей, поэтому Александр будет способен справиться с любым врагом. В нём бьётся сердце орла, царя птиц, – как орёл способен летать высоко и далеко, преследуя добычу, так и от Александра не спрячется ни один враг. Как никто из смертных не может смотреть на солнце – ослепнет, так никто не может видеть Зевса, потому что в нём сияние солнца. Только орлу дозволено смотреть на Зевса, потому что он сидит на его скипетре, держа в когтях молнию.

Филипп посмотрел на ребёнка и поднял его над головой. Громко крикнул, так, что, казалось, его услышала вся Пелла:

– Зевс! Дай знак, чтобы я поверил!

Все, кто был в перистиле, придворные и слуги, замерли в смятенном ожидании, пристально всматриваясь в хмурое небо...

Казалось, прошла вечность... Неожиданно облака над дворцом распахнулись, открывая кусочек иссиня-чистого неба. Оттуда на землю обрушился ливень ослепительно-яр-

ких солнечных лучей. От такого чуда люди невольно прикрыли глаза и даже пригнулись, от страха. А Филипп посмотрел на ребёнка и увидел, что он улыбался и, не мигая, смотрел на солнце...

Глава 1. Полдень на Лесбосе

Двое

Полдень. Над Лесбосом нависла бездна ослепительно-голубого неба с пылающим глазом Гелиоса. Расплавленная жарой сапфировая гладь Эгейского моря замерла в бесполезном ожидании хотя бы легчайшего дуновения ветерка.

Лесбос – третий по величине остров Греции. Он имеет две глубокие бухты, где торговые корабли находят приют после дальних странствий. Среди скал и холмов повсюду разбросаны хлебные поля, оливковые рощи, пасутся стада овец. Дубовые и сосновые леса подступают к солёным лагунам, кишущим шумными птицами. В живительных водах термальных источников оставляют недуги люди и всякое зверьё. Над всем этим благодатным краем горделиво возвышается вершина горы Олимбос*, где живут бессмертные боги.

На восточной стороне острова раскинулась Митилена, самый крупный и влиятельный город на Лесбосе; черепичные крыши выглядывают среди густой зелёной растительности. Перед главными городскими воротами роща серебристых олив стойко переживает знойное время; деревья спускаются уступами до самого берега моря.

Столетия назад первые поселенцы в этом месте высадили

саженцы олив, привезённые с собой, как память о родине. Деревья прижились не все, но с тех пор безропотно несут тяготы безжалостного времени и сезонных невзгод. У них толстые узловатые стволы, уродливые ветви, а у некоторых порушенные молниями верхушки – метки гневающегося Зевса...

Путешественника, паломника или бродячего философа-софиста, зарабатывающего себе на жизнь страстными речами на агоре*, привлекает мелодичный звон родника в роще, истекающего из-под большого замшелого валуна. Испив освежающей влаги и насладившись божественным покоем под сенью олив, прохожий люд отправляется дальше по своим делам, славя Гермеса. В честь этого покровителя странников и бродяг на ближайшем дорожном перекрестье стоит четырёхгранный столб с возбуждённым фаллосом*, Герма, завершённый кучерявой головой бога.

В глубине рощи возвышается скала с подтёками цвета ржавого железа. В ней природная выемка – пещерка или грот, куда ведёт извилистая тропа. Внутри грота полусумрак и прохладно. Если сюда забредёт путник, он найдёт благословенный приют и в зной, и в непогоду. Отсюда неплохо просматривается безмятежное море, мерцающее в мареве солнечными бликами. Блаженная тишина нарушается сухим стрекотанием неунывающих кузнечиков...

В гроте находились два человека. Они удобно расположились на земле, выстланной сухой травой. Эти люди пришли сюда до полудня, с ними был ещё слуга, который принёс с собой съестные припасы, выложил всё на рогожку и ушёл. Прохладный воздух наполнился аппетитными запахами, навеявшими желание немедленно утолить голод.

Было отчего взволноваться желудкам! Варёная голова козленка, вспоенного молоком, его же ребра, ноги и вырезки, сдобренные восхитительным соусом из сельфии*. Жаренная на углях свинина, источающая жирный сок; нежный костный мозг и сладчайшая смесь полусырых кишок барашков. Груды горячих вяхирей* и куропаток да горка мягких ароматных лепёшек. Пучки возбуждающей аппетит зелени, и чеснок, без которого истинному греку не прожить ни дня. Был ещё в двух горшочках *трогалий* – десерт, приготовленный искусным поваром из золотистого меда, мягкого сыра и творога. Вдобавок к ним ячменные пирожки с соблазнительной корочкой, изжаренные на оливковом масле и в свином жиру, и ещё кунжутные пирожные. Для закуски после вина яблоки с желто-красными боками, миндальные орешки. Боги на Олимпе завидовали такому обычному для эллинов застолью на природе!

Пора признаться, что к застолью в гроте были причастны

Аристотель и Феофраст, первый в прошлом преподаватель афинской академии Платона, а второй – его ученик, тоже в прошлом, теперь их связывали крепкие дружеские отношения. Обнаружили они грот недавно и решили, что будут посещать его, когда вздумается провести досуг. Место действительно замечательное – удалённость от городской суеты, покой священной рощи, вид на море!

Для истинного эллина понятие идеального досуга представлялось не праздным отдыхом с безмятежным послеобеденным сном или бесцельным созерцанием природы, а полезными для сердца и души занятиями: посещение театра, участие в религиозных шествиях и городских торжествах или наблюдение в качестве зрителей за состязаниями поэтов, музыкантов и ораторов. К этому нужно добавить занятия атлетикой и охоту на зверя, но только ту, что случается ради развлечения, а не для пропитания. Но самым захватывающим и любимым видом досуга представлялась пирушка в кругу друзей – *симпосий*. Это могло быть застолье участников, близких по духу или роду деятельности, когда застольники получают удовольствие не от употребления изысканных блюд (хотя им тоже оказывается достойное внимание), а в результате обмена философскими речами, когда есть результат от разумных бесед и споров. На симпозиисах каждый высказывает свою точку зрения – на окружающий мир, природу и политику, – и никто его не остановит, не осудит, наоборот, одобрит такое поведение. Не зря мудрец Фалес* ска-

зал: «Человек разумный идёт на пир не с тем, чтобы до краев наполнить себя, как пустой сосуд, а чтобы и пошутить, и поговорить серьезно, и поспорить»...

Аристотель, сорокалетний сухопарый мужчина, не отличавшийся высоким ростом; у него удлинённое лицо слегка болезненного вида – он с детства страдал коликами в желудке. Волосы негустые, мягкие и слегка волнистые, рыжеватого оттенка; зачесанные вперёд с затылка, они умело скрывали наметившиеся залысины. Прямой нос с тонкими ноздрями, выступающие вперёд скулы и тщательно ухоженные усы с укороченной бородой до висков намекали на несносный характер их владельца. Образ педантичного «сухаря» дополнял большой выпуклый лоб с глубокими продольными морщинами и ещё тонкие суховатые губы с морщинками вокруг рта. Впалые серые глаза со свисающими веками, маленькие и подвижные, обычно смотрели исподлобья и оттого казались колючими. При этом в облике Аристотеля угадывался природный аристократизм, непримиримый с возможными в жизни неудобствами.

Его собеседник Феофраст имел склонность к полноте, на что указывали округлое мясистое лицо и лёгкий румянец; на первый взгляд, он казался сонливым. Это состояние подтверждалось слегка сощуренными глазами под светлыми, словно обгорелыми, бровями – верный признак честолюбия. Большая голова, широкий гладкий лоб. Густая борода с вьющимися волосами, характерная деталь внешности эл-

лина, росла у Феофраста широко и свободно, она не только украшала, указывала на скрытую силу воли, напористость и абсолютную уверенность в себе.

Философы были одеты в *эксомиды*, легкие туники, – правая рука и плечо свободны, что давало возможность оживлённо жестиковать. Ухоженный вид обоих, обилие дорогих перстней указывал на то, что собеседники принадлежат к состоятельной категории общества. Они расположились в гроте в непринуждённых позах лицом к морю, трапезничали и разговаривали на близкие по духу и содержанию темы...

Аристотель:

– Я всё более утверждаюсь во мнении, дорогой Феофраст, что человек – часть окружающей природы. По этой причине ему полезно знать её законы, из чего она состоит, на чём держится. Природа ничего не делает напрасно, а заблаговременно и точно. Из семени каждого существа возникает то, что природой задумано: из одного – оливковое дерево, из другого – человек или зверь.

Феофраст:

– Слушая тебя, Аристо, я начинаю верить, что и клопы задуманы природой для своего дела? – Говоря это, он близоруко щурился, собирая у глаз мелкие морщинки.

Аристотель:

– Конечно, природа усматривает пользу клопов в том, что они не дают человеку спать лишнего.

Феофраст:

– В таком случае, если продолжить твою мысль, мыши грызут зерно в амбарах тоже не зря?

Аристотель:

– Мыши заставляют человека заботиться о лучшем сохранении плодов своего труда. И кошка существует не для того, чтобы только пожирать мышей, и мыши не для того, чтобы их пожирала кошка; у всех есть своё первоначальное предназначение – занимать своё место в природе. По этой причине хвост у павлина – природа любит красоту и радуется пестроте.

Феофраст:

– Аристо, друг мой, не заметишь ли ты странность в том, что имеется схожесть обезьяны и человека? Для чего природе было создавать одно и другое? Не лучше бы что-либо одно из двух?

Аристотель:

– Я уверен, Феофраст, что обезьяны – промежуточное звено, ступень между человеком и другими живородящими животными. Посмотри на ягодицы того и другого – природа сотворила их для отдыха; четвероногие, стоя, не чувствуют усталости, но человеку, как и обезьяне, надобно иметь подобие сидения. Хотя, чтобы окончательно убедиться в своих выводах, мне необходимо найти анатомические различия между животными и человеком. Меня давно это интересует.

Аристотель говорил негромким голосом, убедительно.

Феофраст иногда в качестве возражений высоко поднимал брови; при этом его большие уши комично шевелились. Общепринятая этика симпозиа не позволяла перебивать собеседника, пока не завершится диалог. Аристотель:

– Жизнь есть общее благо и для человека, и для растений, и для животного. Более всего подвержены сходству с человеком, конечно, животные, у большинства из них существуют признаки душевных состояний, которые проявляются более отчетливо. Податливость или злобность, храбрость или трусость, боязливость или спокойствие, прямота или коварство – все сходные черты с человеком. Думаю, что я нашёл закон соответствия личности животного и человека.

Феофраст:

– Пока такой вывод вызывает у меня удивление, Аристо.

Аристотель:

– Пусть не покажется тебе странным сравнение человека с животными. Ты присмотришься к поведению людей, большинство из которых, словно дикие звери, убивает себе подобных, но не для поедания их, а ради выгоды и славы, что, на мой взгляд, равноценно поеданию. Есть люди-тигры, свирепые нравом, жестокие повадками; другие похожи на сытых львов, благодушные на вид, хотя на самом деле не менее кровожадные. Люди-медведи настырные, грубые и алчные, похожие на волков, безжалостны к добыче или слабому сопернику. Человек, избравший ремеслом хитрость и обман, похож на лукавого лиса. А тот, кто с коварно равнодушной

личиною подстерегает жертву, разве не безжалостный крокодил? Люди-обезьяны ловкие в обхождении и остроумные на виду сильного правителя, но проказливые и зловредные в отношении слабых сородичей. А люди, не помнящие родства, как злобные собаки ради обглоданной кости или для потехи хозяина, загрызают насмерть даже сородичей.

Аристотель увлёкся и задел рукой кувшин, стоявший на земле. Из горлышка вылилось вино, цветом схожее с кровью, оно продолжало толчками проливаться на землю. Феофраст подхватил посудину.

Аристотель:

– Добавим к этому великолепному человеческому зверинцу птичье царство. В нём сороки, которые только прикидываются ручными, а сами дожидаются момента, чтобы украсть у доброго хозяина что-либо ценное и сбежать. Беззащитные днём, совы ночью становятся жестокими хищниками. А сколько среди людей находится таких, кто жалят, как злобные осы и шмели! Змеи, мухи, клопы и блохи, омерзительные жабы – все несносные существа, разве на людей они не похожи? И есть люди, похожие на домовитых пчёл, что кружат день-деньской по цветущим лугам, чтобы прокормить родоначальницу-матку и малых деток, а заодно ленивых трутней. С такой же уверенностью я говорю о муравьях, невероятных тружениках, предусмотрительных и бережливых, не знающих нужды.

Аристотель перевёл дух и, обнаружив свою чашу пустой,

налил до краёв. Принюхался, нервно шевеля тонкими ноздрями.

– Слуга знал, какое вино я особо ценю. Оно из Фасоса, необычайно приятное на вкус. Мне рассказали секрет, как его делают. Кладут в кувшин с вином пшеничное тесто, замешанное на меду. От такой приправы вино приобретает особый аромат и умеренную сладость.

Аристотель отхлебнул, едва касаясь губами края чаши, зачмокал от удовольствия. Допив до конца, откусил дольку чеснока и начал жевать, думая о своём. Феофраст знал, что его собеседник ещё не всё сказал, терпеливо ожидал, налегая на куропатку, смачно обглаживая тонкие косточки.

Аристотель:

– Ещё есть люди, схожие повадками с беспечными стрекозами или трусливыми зайцами. Люди-свиньи блаженствуют в грязи, а другие, как подсадные утки, предают собственных друзей, другие похожи на грифов или воронов, кормящихся падалью... А как схожи воины-наёмники на мотыльков, которые бездумно летят на пламя светильника, не ведая, что скоро им предстоит мучиться в предсмертных судорогах!

Аристотель потянулся к яблоку и стал с хрустом вгрызаться в сочную мякоть, словно это был для него поиск истины. Феофраст – он сидел ближе к выходу – что-то заметил на горизонте, где смыкалось море с небом.

– Будет ветер, – неожиданно произнёс он.

Аристотель оторвался от своего занятия:

– Почему ты так решил? Не вижу причин – море спокойное, небо чистое.

– Чайки высоко – верный признак. К тому же, когда мы пришли сюда, небо выглядело чистым, ясным. А недавно появилось пятнышко на небе, сейчас оно больше. Неужели не видишь, Аристо?

Аристотель хмыкнул.

– Тебя пугает вон та маленькая тучка? – Он показал вдаль.

– Скоро эта самая тучка станет большой. Ветер усилится и пригонит сюда уже тучу с дождём, которая прекратит наш симпозиум.

Аристотель, напрягая длинную шею, выглянул наружу.

– Следуя твоим словам, мой друг, это малое может закрыть большое – небо? – Он сморщил лоб, добавив несколько морщин и слегка искажая произношение некоторых слов (Аристотель картавил с рождения), произнёс со значением:

– Что ж, могу с тобой согласиться. – Он повернулся к Феофрасту. – Ты заметил, что наша тучка движется с севера? – Не дожидаясь ответа, продолжил: – Я угадываю истинную цель её передвижения по небу – это захват всего пространства. Тебе не кажется, Феофраст, что именно так Македония ведёт себя по отношению к Греции?

Довольный собой Аристотель посмотрел на собеседника, ожидая реакции на неординарный философский приём. Феофраст неожиданно возмутился:

– Аристо, как можешь ты спокойно рассуждать о таких се-

рвѣзныхъ вещахъ, какъ устремления Филиппа, царя этихъ варваровъ? Онъ случайный человекъ на македонскомъ престоле. А если Македония надумаетъ ссориться съ Афинами, Филиппу не поздоровится. Никому ещё не удавалось одолеть союзъ греческихъ городовъ.

– Успокойся, другъ. – Лицо Аристотеля посерьёзнело, голосъ обрѣлъ жесткость. – Я такъ не думаю. Послушай. Филипп захватилъ и разрушилъ мой родной городъ Стагиры. Теперь его обживаютъ македонские переселенцы. Но есть причины, по которымъ въ моёмъ сердце не зреетъ ненависть къ Филиппу, и даже я восхищаюсь имъ. – Аристотель перехватилъ удивленный взглядъ друга. – Да, восхищаюсь не имъ, а его достоинствами.

При этихъ словахъ припухшие отъ природы глаза Феофраста расширились – онъ не могъ понять. Аристотель пояснилъ:

– Я посоветовалъ бы нашимъ заносчивымъ грекамъ уважать этого дикого, какъ часто о нёмъ говорятъ, македонскаго царя. Последние его успехи во Фракии говорятъ о томъ, что рядомъ съ Греціей появляется личность, которая сможетъ своею волею вконецъ прекратить войны грековъ противъ грековъ. Мнѣ представляется, что именно Филипп способенъ объединить греческіе полисы въ государство эллиновъ, сделать его сильнымъ, чтобы навсегда покончить съ персидскою угрозою. Персія – вотъ настоящая беда Греціи, а не Македонія. – Взоръ Аристотеля загорелся внутреннею силою, голосъ зазвенелъ. – Противъ такой силы, какъ Греція и Македонія, не осмелится выступить ни одинъ варваръ. Если мы, греки, сумеемъ разглядеть в

Филиппе не врага, а объединителя Греции, Элладу ожидает великое будущее.

Феофраст, не имея аргументов, не стал возражать, но плечами пожал, на всякий случай...

* * *

День клонился к завершению. Трапеза шла своим чередом; большая часть принесённых яств и вина была употреблена с удовольствием и пользой для желудков, без помех для разговоров. Уединение философов нарушил молодой раб, крепыш с курчавой шевелюрой. Капли пота на улыбочивом лице выразительно показывали, что он спешил с важной вестью.

– Хозяин! – обратился он к Феофрасту. – Пришёл человек, говорит, что он из Македонии, хочет видеть Аристотеля из Стагиры!

– О, боги, – воскликнул Феофраст, глядя на сотрапезника, – не успел ты упомянуть македонян, как они уже в Митилене!

Аристотель выразил удивление, передёрнув плечами:

– Кто из моих знакомых македонян может знать, что я на Лесбосе?

Он встал и засобирался, делано причитая:

– Не представляю, кому я понадобился? Нет! Ничего не придумаю. Остаётся одно – поспешать, чтобы увидеть чело-

века, прервавшего нашу приятную беседу.

Письмо

На подходе к дому Феофраста, где год назад поселился Аристотель с женой Пифиадой и маленькой дочерью, друзья увидели человека в традиционном македонском одеянии. На нём была туникообразная рубаха с вышитой каймой, широкие штаны с поясом из ткани зелёного цвета и *крепиды* – низкие сапоги из сыромятной кожи с загнутыми носами. Он сидел за столом на открытой веранде и, пользуясь гостеприимством Пифиады, угощался фруктами с большого деревянного блюда. Аристотель не увидел в нём своего знакомого. Услышав шаги, македонянин повернул голову в их сторону, поднялся и замер в ожидании. Когда Аристотель и Феофраст взошли на веранду, он произнёс, всем видом и голосом подчёркивая глубокое уважение:

– Я вижу перед собой знаменитого ученика Платона? – Он смотрел на Аристотеля.

Аристотель вежливо кивнул головой.

– Если хотите, это я. Сознаюсь, удивлён, что меня кто-то обнаружил на этом благословенном острове, притом что даже близким я не давал знать о последнем своём местопребывании. Тем более кому-либо в Македонии.

Говоря это, философ старался придать голосу шутливые интонации:

– Так что, раскрывайтесь, не знакомый мне человек, рас-

скажите, что привело вас ко мне и заодно как угораздило отыскать меня столь далеко от Македонии? – Философ улыбнулся. – Видите, сколько сразу вопросов я задал. Не обижайтесь, на это есть причины: я пухну от голода на добрых гостей и, вернее, на хорошие новости из Греции. Но, извините, не ожидаю получить их из Македонии.

Судя по недрогнувшему лицу гостя, он не обиделся.

– Я всего-навсего торговец пшеницей, не слуга Гермеса, вестника богов, – отшутился незнакомец. – Но весть я принёс, правда, не ведаю, добрая ли.

Он вытащил из-за пазухи тряпицу, откуда извлёк круглую тубу*, в какой обычно содержатся папирусы, оплетённую красной шёлковой нитью с печатью.

– Письмо моего царя Филиппа.

Он помолчал мгновение, видимо, подчёркивая важность поручения к нему, затем продолжил:

– У меня дела на Лесбосе, но я отложил встречи, чтобы найти вас в Митилене. А сделать это было несложно – в Митилене многие знают академика Стагирита.

С этими словами он передал тубу философу.

– Свои дела я закончу через десять дней. Если позволите, я зайду за ответом. Мой царь так мне и сказал: «Без письма Стагирита не возвращайся!» – Македонянин извинительно улыбнулся. – Что мне прикажете делать?

Аристотель, сохраняя на лице невозмутимость, согласился:

– Зайдите, коли царь просил. Я напишу ему.

Торговец вздохнул с облегчением и распрощался с благодарностью богам, которые помогли ему исполнить задание царя Филиппа.

Под вопрошающим взглядом жены и Феофраста Аристотель с тубой в руке неторопливо спустился с веранды и направился в сад. Поселившись в доме друга, он с первых дней в нём обнаружил беседку, заросшую плющом настолько, что она стала похожей на застывший зелёный водопад. В этом уютном углу сада подолгу пребывал в раздумьях, говорил сам себе вслух или исписывал папирусные листы, или чертил на песке понятные только ему символы. Сейчас, пристроившись удобно на каменной скамье, вынул из тубы письмо.

Феофраст не пошёл сразу за другом, но не вытерпел, приблизился к беседке. Остановился поодаль, ожидая, что скажет Аристотель. По его лицу понял, что произошло нечто важное. Аристотель протянул письмо.

– Читай.

– Филипп пишет тебе. Разве будет удобно?

Аристотель покачал головой.

– Какие у меня могут быть тайны от своего друга? Читай. Я хочу знать твоё мнение после того, как решу, как поступить.

Заинтригованный, Феофраст развернул папирус, стал читать вслух:

«Филипп, царь Македонии – Аристотелю Стагириту: Хай-

ре!

Филипп приветствует тебя, желает здоровья и благополучия, и всем членам твоей семье!

Ты знаешь, что у меня есть сын и наследник Александр, подросток. Ему нужен учитель и наставник. Твой тесть Гермий, правитель Трояды и мой друг, узнав о том, сообщил в письме о тебе. Это было до его мучительной смерти. Он говорил, что ты обладаешь большими знаниями в разных науках, имеешь опыт преподавания в афинской академии и особенно практикой мудрого наставничества любознательных юношей. А мне как раз нужен такой человек для моего сына, потомка древних царей Арголиды и Геракла. Мне будет спокойно, если рядом с Александром до его совершеннолетия будет такой мудрый наставник, как ты, Аристотель. Если при твоём участии он овладеет науками, полезными эллину, а твои наставления позволят познать искусство управления государством. Я уверен, что ты дашь моему сыну правильное воспитание и образование, достойные эллинских царей.

Если согласишься, я жду в Пелле. Сообщи, как скоро соберёшься. И будь здоров!»

Феофраст, выжидательно приподняв белесые брови, посмотрел на Аристотеля.

– Какое решение примешь, Аристо?

Аристотель резко встал со скамьи, вышел из беседки и нервно зашагал по шуршащей гравийной дорожке. На ходу коротко бросил:

– Поеду!

– Зачем тебе нужен сын тирана? – изумился Феофраст. – Это безумие – согласиться на приглашение царя варваров, дня не думая!

У Феофраста заблестели глаза, от возмущения или крайнего удивления. Он уже кричал в спину Аристотелю:

– Ты учёный, а не нянька царскому наследнику! Зачем тебе испытывать судьбу в такое время, когда вся Греция поднимается против Македонии? Тирания будет разгромлена, и тогда неизвестно, какие испытания ждут тебя. Подумай, ты рискуешь не только репутацией учёного, но и собственной головой, жизнью. Твои друзья и я не перенесём твоего осуждения Грецией. Одумайся, Аристо! Разве тебе плохо в Митилене рядом со мной?

Аристотель остановился, повернулся к Феофрасту, обнял и привлёк к груди.

– Друг мой верный, славный. Мне рядом с тобой чудесно живётся, легко работается. Если бы не твоё приглашение год назад, я не представляю, как и где жил бы после гибели Гермия, когда персы угрожали мне смертью. Я благодарен, друг мой Феофраст, что позвал к себе, в твоём доме я с семьёй ощущаю понимание и поддержку.

Аристотель отстранился от Феофраста и заглянул в глаза.

– Ты мой друг, значит, поймёшь, почему я не могу отказаться от предложения Филиппа. В положении беглеца от дурных событий, преследующих меня в последнее время,

служба при македонском дворе станет для меня значительным событием. – Он сделал паузу. – Если назвать наставничество службой.

Аристотель перевёл дух; по белым пятнам, выступившим на лице, было заметно, что философ взволнован. Феофраст давно не видел его таким.

– Я соглашусь наставлять сына Филиппа вовсе не из-за вознаграждения, хотя в моём положении деньги не будут лишними. Я вижу в предложении македонского царя добрый для себя знак. К тому же занятия с наследником царя дадут мне определённую свободу действий и, надеюсь, повод для новых направлений в научной работе.

Аристотель понизил голос, словно приглашал Феофраста в заговорщики:

– Это судьба. Ты помнишь, зачем Платон, рискуя жизнью, трижды посещал двор сиракузских тиранов Дионисия Старшего и его сына, Дионисия Младшего? Он убеждал их, насколько выгодно построение справедливого государства во главе с мудрым правителем, не приносящим соотечественникам разочарований. Увы, тираны оказались не податливым для философии материалом.

Аристотель уже почти кричал, размахивая руками:

– Оба тирана успели сформироваться как чудовище, поэтому Платон не смог реализовать замечательную идею, а сам едва не погиб. А в Пелле я смогу начать с детской души, чистой добрым помыслам. У меня получится, и тем отдам

свой долг великому Платону.

Феофраст осознал, что Аристотель говорил о том, в чём был абсолютно убеждён:

– Волею судеб у меня появляется возможность воспитать сына царя, будущего правителя, с добродетельными качествами, о которых стоит только мечтать. Я буду рядом каждый день, чтобы посеять в его юной светлой душе семена добра и уважения к народу. Он узнает от меня, что власть над свободными людьми прекрасней, чем господство над рабами. Со мной вместе он построит царство, где будет счастлив сам и его народ. Я покажу всей Греции, каким может быть идеальный с точки зрения философии правитель.

Феофраст надумал что-то спросить у друга, но Аристотеля уже было трудно остановить:

– Пока власть и философия не сольются воедино, до тех пор государствам не избавиться от несчастий и зол. Я воспитаю сына царя, варвара по крови, эллином по духу, и тогда Греция забудет об угрозах от Македонии. Вот для чего я отправляюсь в Македонию!

– Аристо, а твои исследования, научные труды? Что будет с ними? На Лесбосе у тебя всё ладится! Или моё присутствие рядом с тобой стало в тягость?

В голосе Феофраста просквозила грусть. Аристотель улыбнулся.

– Феофраст, друг мой! Благодаря тебе мне очень хорошо чувствуется на Лесбосе. Но я нужен сыну Филиппа, пони-

май, ради могущества Греции. – Аристотель хитро прищурил глаз. – А чтобы мы не переживали друг за друга, предлагаю поехать вместе. Ты будешь учить наследника наукам, в чём силён, мне в помощь, и не отделишься от своих научных занятий, найдя для себя нужные темы. Если согласен, таким будет моё условие в ответе Филиппу.

Феофраст сразу не мог сообразить, что отвечать. Предложение было неожиданным, но показалось интересным, заманчивым. Он нерешительно произнёс:

– Позволь мне подумать. Поговорю с семьёй. Завтра скажу.

Они крепко обнялись и сразу направились в дом.

Неожиданно в воздухе запахло прохладой. Только что жаркий диск солнца на глазах стал покрываться облачной пеленой. Светлый день неестественно быстро угасал, уступая натиску неизвестно откуда взявшейся тёмной туче. Туча становилась огромной и безобразной, пока окончательно не прикрыла собой небо. Вместе с Митиленой во мрак погрузился весь Лесбос... Дружно всполохнули ослепительно-яркие молнии, раздались раскаты грома. Кто наблюдал это природное чудо, подумал, что во мрак погрузилась вся Греция...

Глава 2. Выбор

Филипп

После недолго завтрака Филипп поспешил в кабинет, в котором любил уединяться, когда неразрешённые дела слишком наваливались на него. Если во дворце знали, что царь работает в кабинете, никто не осмеливался тревожить его без нужды – ни слуги, ни супруга Олимпиада, и даже ближайшие советники. Лишь секретарь Элний, облечённый особым доверием за двадцатилетнюю службу, робко царапался в дверь, когда понимал, что деваться некуда...

Обычно Элний доставлял сюда донесения военачальников и тайных агентов – последних содержалось немало Филиппом в греческих городах, во Фракии и даже в Персии. Царь проводил здесь время в раздумьях, диктовал секретарю распоряжения, но особо важные послания отписывал лично, сообразно хитросплетениям собственной политики в отношениях с друзьями и противниками. Бывало, во время отдыха царь доставал из заветного сундука дорогие сердцу папирусы, перечитывая труды мудрецов, среди которых выделял Пифагора. С чем не был согласен Филипп, так это то, что после смерти душа человека переселяется в животных, например в осла или хорька. Столь мерзкое предположение

философа не вязалось с представлениями Филиппа о царской родословной.

* * *

Кабинет достался Филиппу от царя Пердикки, старшего брата, который неожиданно погиб в сражении с иллирийцами вместе с войском в четыре тысячи воинов. Ужасная трагедия! Заняв престол, Филипп наказал Иллирию, а после затеял перепланировку помещения и ремонт. Идея обновления захватила его, и он, несмотря на занятость, лично принялся за подборку материалов, следил за качеством исполнения работ. Опытный в подобных делах советник Антипатр был недоволен тем, что ему, как и эконому* Хейрисофосу, царь не доверил отделку своего кабинета. Филипп оставался непреклонный, сам довёл работы до завершения, и теперь на тихой стороне дворца у него есть чудесное место для досуга.

Кабинет радовал взгляд и душу царя. Высокие потолки с дубовыми балками, окрашенными в яркий синий цвет. Каменные стены обшиты досками из светлого ореха. Полы из кипарисовой доски, что обычно применяется в храмах, в жаркую пору издают свежий аромат. Филипп настоял на этой породе дерева, так как знал, что кипарисовый запах не переносят древоточцы и моль. Помимо того от кипариса великая польза здоровью, и настроение заметно повышается. Правда, доски обошлись недёшево, так как делали по заказу на

Кипре*.

Посередине комнаты установили крепкий стол на ногах-колоннах, с дубовой столешницей. Рядом массивное кресло, *тронос*, у стены низкая софа и два сундука с крышками, украшенными изящной резьбой. В них хранились папирусы – библиотека Филиппа, пополам с личной перепиской. На стене напротив входа висел короткий меч, *акинак*, с золочёной рукояткой – подарок царя скифов Аттала.

* * *

Царь до вечера не выходил из кабинета, вызывая недоумение или даже легкий переполох у придворных. Он затих, словно его там не было вовсе. Не требовал к себе Элния или Антипатра. Вчера царь Филипп вернулся из Диона*, где происходил сбор войска для похода на Херронес Фракийский*. Обычно он немедленно созывал военачальников и советников, до ночи держал совет, а по завершении имел обыкновение оставлять близких ему людей на ужин. Засиживались до утра по причине того, что в разгар застолья появлялись музыканты, это были авлетриды*, и тогда уже разгульное веселье было не удержать.

В Дионе Филипп находился почти месяц, жил в лагере с воинами, а когда вернулся, никого к себе не позвал. Такое редко случалось, но это ещё означало, что он был занят очень важным делом. На этот раз царь выбирал наставника для сы-

на Александра...

Феопомп

Первый, кто рассматривался из кандидатов, был Феопомп из Хиоса, автор исторических сочинений. Вдова царя Карики Мавсола*, Артемисия, приглашала Феопомпа в Галикарнаса на мероприятия, посвящённые похоронам супруга, где в состязании на лучшую надгробную речь он одержал победу над знаменитым оратором Феодектом из Фаселиды. Артемисия отметила Феопомпа ценной наградой, после чего он вернулся на Хиос, где появился его восторженный отчёт о роскошных похоронах. Писатель проявил свой талант, чтобы подробно описать великолепную усыпальницу, назвав её «новым Чудом Света». Он с особым удовлетворением отметил, что в погребальном костре сгорели сто необычайно ценных кипарисовых деревьев, которых наблюдали несколько тысяч карийцев, пришедших на поминальное пиршество. И что удивило греков, Феопомп сообщил, как Артемисия, пожелав воссоединиться с супругом, выпила воду, смешанную с его пеплом.

После получения таких сведений у царя Филиппа не осталось сомнений, что Феопомп неплохой сочинитель. Поэтому, узнав о желании писателя продолжить «Историю» Фукидида*, пригласил его в Пеллу, но с намерением использовать в своих интересах. Царь давно хотел, чтобы кто-то из греческих историков написал бы о Македонии и заодно о нём,

Филиппе. Если Феопомп справится с поручением, быть ему наставником Александра! К тому же он неплохо владел *риторикой*, и если это искусство сумеет передать Александру, наследник получит большое преимущество в дипломатии.

Филипп вспоминал, что получилось из его затеи. Полгода назад Феопомп стал гостем царя, встречался с ним, когда хотел, беседовал на любые темы, принимал участие в застольях с близким окружением царя. Познавал Македонию, нравы и обычаи её жителей. Писателю ни в чём не отказывали, он жил во дворце, получил доступ к семейному архиву македонских царей. А когда собрал достаточный материал для новой книги, отбыл из Македонии.

Феопомп не обманул ожидания царя. В труде «История Греции» написал целый раздел о Македонии и, как желал Филипп, изобразил его выдающимся из всех македонских царей. Но сделал это тоже с выдающимся сарказмом! Например, будто на каждый царский пир расходуется двадцать или тридцать талантов*, а иногда гораздо больше; на эти цели каждый город обложен как бы податью. Или такое: царь Филипп со своими приближёнными бездумно тратит казну, ненасытен в стремлении к роскоши, с одинаковой легкостью отбирает добро у одних и раздаёт другим, своим друзьям, *гетайрам*. А все гетайры – это устремившиеся к нему со всех концов земли мерзавцы, грубияны и наглецы, и подбирал он их по этим признакам. Да и окажись там человек иного склада, в водовороте македонской жизни он быстро бы уподобил-

ся остальным и перенял их привычки! Все приближённые царя якобы ведут непристойную жизнь на войне и походах, мирное время не только пробуждает в них наглость, но и доводит до распутства, почти разбойничьего...

И хотя многое из того, что изобразил Феопомп в долгожданном разделе о македонянах, было правдой (кто не грешен из нынешних правителей?), Филиппу не могло понравиться. Особенно те эпизоды, когда, если верить писателю, он представлялся шутком, каждый день был пьян и превыше всего на свете ставил то, что этому способствует; он и плясал, и пускался в разгул и любое буйство... Не мог себе представить греческий историк, что Филипп совершал эти свои действия по движению души, осознанно, поскольку, таким образом он привлёк к своей особе гораздо больше сторонников из стана противников, нежели если бы он делал это подкупам, угрозами или военной силой.

К чести Филиппа, любой царь на его месте сильно бы возмутился, а он порадовался – говорил об этом событии у себя в Македонии и сообщал грекам о своём восхищении писателем при каждом удобном случае. Пусть Греция знает, что имеет дело с добропорядочным правителем! Феопомп прав, говоря о недостатках царя – чего сердиться? Но только не знал писатель, что Филипп затаил обиду по другому случаю: не принял обвинения по поводу гетайров. Своих друзей царь считал людьми храбрыми, с благопристойным поведением. Да, он позволял состязаться перед ним во всем дурном и

мерзком, любил и хвалил тех, кто жил привольно и тешился пьянством и игрою. Но разве такой образ жизни называют гнусным? Обычное дело для каждого воина!

А что писатель нашёл дурного в том, что некоторые из приближённых царя брили и выщипывали на себе волосы, и каждый из них таскал с собой двух-трёх красавцев юношей, и сами были готовы отдаться другим? Он назвал их блудливыми злодеями и продажными женщинами, развратными гетерами*. Не мог понять историк, хотя долго общался с царём, что Филипп уверенно царствует и покоряет греческие города только с людьми, которые трезвости предпочитают пьянство, а вместо порядка довольны грабежами и убийствами. Клятвопреступления и мошенничество полагают высшими добродетелями, а говорить правду и жить в согласии считают ниже своего достоинства.

Но в любом случае пусть греки читают «Историю» Феопомпа, всё, что написал о царе Филиппе, и думают, как себя вести по отношению ко всему этому – потешаться или всё же бояться? Об этом тоже думал Филипп в своём кабинете в тот день. В результате на кандидатуре Феопомпа в качестве наставника сына не остановился.

Исократ

Следующим был Исократ, сочинитель речей и яркая фигура среди афинских политиков. Он с радостью согласится приехать в Пеллу. Филиппу докладывали, что, несмотря на свою популярность, в Афинах Исократ чувствует себя не очень уютно и даже боится за свою жизнь. Ведь он чуть ли не единственный из граждан, кто публично осудил решение народного собрания по поводу смертного приговора Сократу. А после тридцать дней соблюдал траур, вызывая гневные возмущения – остриг волосы, носил черные одежды и не посещал пиры. Но для Филиппа главным в поведении Исократ было другое.

Прежде оратор призывал Афины вместе со всеми греческими городами противостоять возвышению Македонии. Когда же македоняне завладели Олинфом и другими афинскими колониями на Халкидском полуострове, разорили Фокиду*, тон речей Исократ изменился. Неожиданно для всех он увидел в действиях молодого македонского царя нечто рациональное для эллинов – возможное объединение независимых греческих городов-полисов в борьбе против Персии, исконного врага Эллады. Исократ предположил, что, если возрождающаяся Македония примет в эллинский союз, тогда Филипп его реальный лидер. Только он способен объединить эллинов, направить воинственный пыл не

на междоусобицы, а на враждебных персов. Филипп получил письмо от Исократа, вызвавшее одновременно улыбку и гордость:

«Если ты настоящий потомок Геракла, сделай всё это, и все будут обязаны тебе величайшей благодарностью: греки – за те благодеяния, которые ты им окажешь, а македоняне – за то, что ты будешь над ними законным государем, а не самодержцем. Весь же остальной род человеческий за то, что ты освободишь эллинов от варварского деспотизма, после чего всех людей осчастливишь эллинской культурой».

Тогда Филипп не ответил Исократу и после ещё молчал, а этот чудаक долго ещё выражал в письмах свои чувства к нему, давал советы к объединению с Грецией и в этом смысле всё время призывал к решительным действиям. В одном из таких посланий он опять напомнил о своей идее, предположил, что, если Филипп откажется, из-за междоусобиц греческие города неизбежно постигнет катастрофа. Греция погибнет, прежде от дурных ораторов и демагогов, затем от доносчиков-*сикофантов* и бродячих элементов. «Филипп, береги свою жизнь, столь необходимую для славы Эллады», – чуть ли не умолял Исократ. А в это же самое время его земляк, оратор Демосфен люто ненавидел македонского царя, призывая граждан греческих городов воевать с Македонией, но под предводительством Афин.

Предельной настойчивостью и необычными для афинянина искренними признаниями в любви Исократ поправил-

ся Филиппу. Царь, думая о наставнике, однажды сел за письмо, где изложил своё предложение в отношении Александра. Закончить письмо ему что-то помешало, а потом он и вообще одумался. Появились сомнения. Во-первых, отец у Исократы, оказывается, был мастеровым человеком, ремесленником – изготовителем флейт. Само по себе занятие не постыдное, но, увы, пригодное разве что рабу или вольноотпущеннику! Чему может научить царского наследника выходец из простого народа? К тому же Исократ чрезмерно увлекается сочинением воззваний к народам и царям – не только к Филиппу, не понимая, почему отмахиваются от его настырных поучений. Думается, Исократ слишком чистолютен, думая о политике, он учит не только красноречию молодых людей, стремящихся занять важные посты в государственном управлении, но ещё добродетели, иначе – морали в политике. Насмешил! Разве политика совместима с добродетелью и моралью?

Пусть Исократ продолжает восхищаться красноречием афинян и, основное, призывает греков не воевать с Македонией, верить в дружбу с Филиппом. А золотых монет для честного оратора, как и прочим друзьям царя в Афинах, жалеть он не будет.

* * *

В списке претендентов на роль наставника был ещё Спев-

сипп, ученик Платона. Филипп, по молодости, пересылал философу несколько своих сочинений, с просьбой оценить. Тогда и состоялось заочное знакомство. Не так давно царь написал ему, пригласил погостить, чтобы познакомиться поближе, но Спевсипп вежливо отказался, сославшись на занятость в Академии. Взамен себя неожиданно предложил своего ученика Евфрая. Как позже выяснилось, хотел от него избавиться. Филипп радушно принял гостя, но скоро заметил, что молодой человек более преуспел в интригах, нежели в философии. Евфрай быстро освоился при дворе, вначале втёрся в доверие к постаревшему царскому советнику Хабрию, потом потихоньку отодвинул его от Филиппа. То же самое попытался повторить с Антипатром, занять место первого советника, но царь остановил его. Убедившись, что Евфрай не подходит на роль учителя, Филипп продолжил поиск.

Аристотель

Первоначально об Аристотеле царь узнал случайно от Евфрая, когда тот в обычной своей манере сплетничал об учениках Платона. Из всего потока не всегда достойных сведений об Аристотеле Филипп узнал главное, что это самый неглупый из преподавателей Академии. Но у него масса отвратительных физических качеств и непокладистый характер.

– Что касается Аристотеля, – говорил царю Евфрай, – не скрою, его любят слушатели Академии, есть такие, кто превозносят его выше самого Платона. Но лично меня поражает его самоуверенность. Откуда он знает, чем заняты рыбы и как они спят, как и где проводят время? А чего стоят утверждения, будто моллюски-трубачи, да и вообще все панцирные не знают спаривания и что багрянки и трубачи – долгожители? Откуда ему знать, что самый продолжительный акт совокупления из всех живых существ у гадюки или что от вшей порождаются гниды и что есть червь, который превращается в гусеницу, а она сворачивается в кокон, из кокона же выходит бабочка?

Царь видел, как мясистое лицо Евфрая при этом взмокло, когда он это говорил. Глаза философа, казалось, извергали пламя ненависти, искреннего негодования.

– Вот ещё пример. Аристотель пишет, что люди хуже пчел,

потому что пчелы соблюдают равенство, не меняют привычек и, никем не обучаемые, всегда копят добро. Но откуда он это взял, я спрашиваю? Он что, к ним в улей залезал и подсмотрел, что люди хуже и полны самомнением, как пчелы мёдом? А в трактате «О долгожительстве» пишет, что видел муху, прожившую шесть или семь лет. С чего он так решил? Совы и ночные вороны, говорит, не могут видеть днем, они вылетают на охоту в темноте, но не на всю ночь, а с вечера, и глаза у них неодинаковые – у одних серые, у других чёрные, у третьих голубые. В то же время, заявляет он, что у людей глаза бывают самые разные, и от этого зависит характер человека. Еще он знает, как происходит спаривание у мягкокожих, панцирных, хрящевых и насекомых, у дельфина и у некоторых рыб. В одном из трудов написал, что существуют животные, имеющие руки, как у человека, но не люди, только кажущиеся быть таковыми, – это обезьяны. И есть животные, имеющие суставы, – это человек, осел, бык; другие их лишены – змеи, устрицы, прочие моллюски. Всё, царь, я устал перечислять измышления сына лекаря из Стагир.

– Он сын лекаря?

– Наверное. Я слышал, что после смерти отца Аристотель промотал наследство, служил наёмником, а затем, не добившись успеха, занялся торговлей снадобьями. Но и там ничем не отличился, отчего родственники прогнали его. Так он оказался в Афинах и пришёл к Платону. Тот записал его в свои ученики, а когда Аристотель, будучи не без способно-

стей, развил в себе склонность к умозрению, стал оскорблять учителя недоверием к его учению. Тем и стал известен среди философов.

– Выходит, Аристотель – в Афинах известная личность? – задумчиво произнёс Филипп.

Имя Аристотеля неожиданно всплыло у него, когда получил письмо правителя Трояды* Гермия. Трояда, где основное население состояло из греческих переселенцев древних корней, находилась под протекторатом Персии, поэтому Гермий мечтал о самостоятельности, которую обещал царь Македонии. Для успешной войны с персами Филипп подыскивал удобный плацдарм, откуда можно выдвинуться к владениям персидских царей. А Трояда по своему географическому положению идеально подходила для создания опорного пункта македонских войск. Между правителями завязалась тайная переписка, где они называли друг друга друзьями. В одном из писем Гермий написал: «Ты ищешь наставника сыну. Возьми Аристотеля Стагирита, не пожалеешь. Он лучший ученик Платона, он его очень ценил. Аристотель сейчас у меня, с моего разрешения занимается реформированием государственного устройства Трояды. Женат на моей племяннице, есть дочь».

Это письмо Филипп получил больше года назад. Переписка внезапно оборвалась, а потом в Пеллу пришла дурная весть. По доносу Гермия заподозрили в измене персидскому царю и предали мученической смерти. Аристотель спеш-

но покинул Трояду и поселился на Лесбосе. Но самое удивительное для Филиппа оказалось то, что память вернула ему картины детства! Он вспомнил, что лекарем у царя Аминты, его отца, долгое время служил Никомах, а у него был сын... Аристотель. Возрастом они были почти ровесниками – сын лекаря немного старше, – поэтому они общались в совместных детских играх. После смерти царя Аминты македонский престол занял Пердикка, старший брат Филиппа, он отправил его, двенадцатилетнего подростка, заложником в Фивы на шесть лет. Никомах с семьёй вернулся в Стагиры, откуда уже после его смерти Аристотель перебрался в Афины ради учёбы в Академии Платона.

После небольших раздумий у Филиппа не оставалось сомнений: философ и преподаватель самого престижного учебного заведения, обладавший обширными научными знаниями, как никто другой подходил Александру в роли наставника царского наследника. А всякие прочие обстоятельства, вроде того, что Аристотель приверженец демократических прав и свобод граждан, не так важно. В чём был убеждён царь Филипп так это то, что Аристотель, опытный в общении с юношами из аристократических семей, окажется способным вытравить из Александра, на сегодняшний момент, дерзкого мальчишки, его природное варварское начало, сделать эллином.

Царь был уверен, что Аристотель согласится хотя бы потому, что остался без покровительства Гермия. На Лесбо-

се у друга Феофраста пребывать долго тоже проблематично. Возвращаться в Афины – некуда, в Академии его не ждут, да и желания у Аристотеля, видимо, не было. Родного дома у Аристотеля нет в Стагирах. Получается, ему прямая дорога в Пеллу, где Филипп окажет ему должное уважение, назначит хорошее содержание. Семнадцать талантов на год – не шутка, где ещё такое вознаграждение он получит! Пусть греки знают, как богат македонский царь и как щедр он ради наук для сына...

Филипп любит Александра, он напоминает его самого в таком же возрасте. Как брыкливому жеребёнку, ему необходимо срочно подобрать надёжную узду. Как раз этим займётся Аристотель, отвлекая Александра непосильной учёбой от всяческих проявлений необузданного характера. Рядом с мудрым наставником, каким представляется Аристотель, от мальчика уйдёт излишняя подростковая чувствительность и возбудимость, позволяющая ему совершать поступки, многие из которых граничат с безрассудством. Взвесив ещё раз свой выбор на весах сомнений, Филипп вынул из тубы свёрток тонкого египетского папируса, чтобы лично написать Аристотелю письмо.

Глава 3. Посольство

Царевич Александр

Отослав гонца с письмом к Аристотелю, Филипп неожиданно вспомнил, как Александр, когда ему было семь лет, принимал персидское посольство...

В тот год Филипп решил, что пора заняться Олинфом, богатым греческим поселением на юге Халкидики. За три столетия существования на фракийской земле Олинф превратился в важный центр Халкидского союза греческих городов. Приобретение важного в географическом отношении, выгодного в экономическом смысле города означало для Македонии в этом регионе осуществление стратегического контроля над морскими и сухопутными торговыми путями могущественных Афин. Оставалось только решить, в каком виде может произойти присоединение Олинфа – войной или мирным договором.

Сначала Филипп убедил олинфян в том, что Македония ищет союзника, чтобы сообща противостоять проiscaм Афин. Олинфяне, которых это устраивало, поверили и заключили с ним договор о дружбе и военной помощи, скреплённый клятвами именем Зевса. Но олинфяне не догадывались, что македонский царь слово своё держал, если это

ему было выгодно. А подобные мирные договора служили ему отсрочкой, временем для подготовки к очередному этапу непрерывной череды войн с врагами Македонии. И на этот раз Филипп легко заключил с Олинфом нужный для него договор, чтобы, выжидая удобный случай, не соблюдать его. Вероломство являлось частью сложного характера царя Филиппа!

Таких «дружественных» договоров у македонского царя было немало. Ему удалось убедить Фивы, непримиримого врага Афин в борьбе за раздел сфер влияния в Греции, заключить с Македонией военный союз. И хотя фивяне не воспринимали Македонию всерьёз как добросовестного союзника, в противостоянии с Афинами этот шаг усилил позиции Филиппа. Пользуясь таким мощным прикрытием, как Фивы, царь привёл македонское войско на Пелопоннес, где одержал несколько блистательных побед над фокидянами, занял Фессалию. Отсюда он намеревался пройти в Центральную Грецию, в Аттику, откуда было удобно угрожать Афинам. Оставалось преодолеть Фермопилы, узкую щель в непроходимых горах – две колесницы не разминутся. Место, знаменитое тем, что полсотни лет назад здесь произошла самая драматичная битва спартанцев царя Леонида с персидской армией.

Филипп давно стремился попасть в Фермопилы ещё по одной причине. Это была земля его предков. В роду македонских царей сохранилась легенда, что в давние времена

на Пелопоннесе правил царь Аргос. По его имени страна называется Аργοлида, отсюда отправились в поисках новых земель трое братьев из рода Аргоса: Гаван, Аероп и Пердикка. Нашли они своё царство на севере Греции в горных областях, позднее ставшие частями Македонии.

С Фермопилами связано имя главного греческого героя – Геракла, древнего предка царя Аргоса, а значит, царя Филиппа. Здесь, у подножья Эты, из стволов священного белого тополя был сложен погребальный костёр, на котором умирающий от коварного яда Геракл приказал возложить своё тело. После того как поленья прогорели, из скалы забили горячие источники: по этому природному обстоятельству ущелье назвали «Горячие Ворота» («Термо Пил», или Фермопилы).

Афиняне разгадали маневр Филиппа. Они успели перекрыть «Горячие Ворота» небольшим отрядом, и этого оказалось достаточно. Не желая тратить время на невыгодное для себя сражение, сберегая силы, Филипп повернул войско и скорым маршем отправился... к Олинфу. Он на ходу поменял планы и вместо встречи с афинским войском решил захватить «дружественный» македонянам город, оставшийся по его вине без поддержки прежнего союзника, афинян. Слблзлзн приобрести беззащитный город почти даром был велик. Узнав о маневрах Филиппа не в их пользу, олинфяне срочно отослали в Афины депутацию, которая унижительно просила снисхождение к ним и военную помощь.

В этой ситуации, когда воевать Македонии с Афинами бы-

ло нежелательно, Филипп замер в ожидании...

* * *

Перед выходом войска Филипп послал слугу за сыном сказать на прощание строгое отеческое слово. Сияющего Александра привёл воспитатель Леонид. Отец раскрыл сыну объятия, чувствуя грудью родное тепло, оттаивающее заскорузлую от тяжких забот душу. Пощекотал ребёнка бородой, вызывая счастливый смех. Такие встречи стали событием для семилетнего ребёнка.

Не отпуская отца, Александр тронул его лицо, заглядывая в уставшие после ночной трапезы глаза, спросил:

- Ты уходишь на войну?
- Ухожу.
- С кем будешь воевать?
- С Олинфом, мой мальчик.
- Когда победишь Олинф, ты больше не пойдёшь на войну?
- Пойду и буду воевать с Византием* или Мегарами*.
- А когда их победишь, останешься дома?
- Нет, дома сидеть не придётся. Будет война с Афинами.
- А когда победишь Афины, войны больше не будет?
- О, Александр, для Македонии враги никогда не переведутся. Одолеешь одного, нужно воевать с другим. Даже друзья станут врагами, как только заметят нашу слабость. Если

мы хотим, чтобы Македония была сильной, нужно всё время воевать и побеждать врагов.

– А кто самый большой враг для Македонии? – не успокаивался Александр.

Отец не сразу нашёлся, подумал, прежде чем ответить:

– Сын мой, я вижу, ты становишься взрослым, если задаёшь такие вопросы. Меня радует, что у меня подрастает помощник. На твой вопросу ответ такой: для македонян и греков самый большой враг – Персия. Персы во все времена покушались на наши земли, приходили, чтобы делать эллинов рабами. Кто не соглашался, тех убивали, города разоряли и разрушали. В недавнем прошлом все греческие города приняли условия персидских царей, отказались только Афины и Спарта. Глаза Александра округлились, он сжал кулаки.

– Что было дальше, отец?

– А дальше в Грецию пришла персидская армия, настолько большая, что после неё земля не давала урожаев три года. Персы захватили Афины, осквернили греческие святыни. Собравшись с силами, афиняне разбили персов у Марафона, потопили их корабли у Саламина. Персы ушли, но с тех пор не могут смириться со своим поражением. Вот почему, пока существует Персия, есть угроза для всей Эллады, частью которой является наша маленькая, но сильная Македония.

Александр доверчиво прижался к отцовскому плечу, не желая его отпускать. Внезапно глаза мальчика загорелись, голос зазвенел:

– Отец, если ты не победишь Персию, это сделаю я, когда вырасту.

Филипп потрепал широкой ладонью сына по голове и мягко отстранился.

– Тебе пора!

Потом замешкался, видно, что-то придумал. Скрывая улыбку в усах, сказал Александру:

– Воспитатель жалуется, что ты не слушаешь его. Вот что, Александр, договариваемся мы с тобой так: я буду хорошо воевать, а ты – хорошо себя вести. На время моего отсутствия будешь здесь главным, но при условии – слушать учителей, воспитателя Леонида и моего советника Антипатра.

От осознания важного решения Александр сдвинул светлые брови и сжал губы, глаза округлились. С серьёзным выражением лица он произнёс, словно клятву:

– Отец, ты не волнуйся! Я тебя не подведу!

Филипп поцеловал Александра в лоб и подтолкнул к выходу, где его ожидал Леонид.

Персы в пелле

Через три дня в Пелле неожиданно объявились чужеземные гости, пять посланников персидского царя. Они сильно удивились, когда узнали, что царя нет на месте. Ведь он извещён месяц назад особым гонцом из Персии. Советник Антипатр, встречавший персов, развёл руками – ничего не знаю, ничего не слышал, догадываясь, что Филипп не зря уклонился от нежелательной встречи. Чего хорошего ожидать македонянам от Персии?

В *гинекей* – на женскую половину дворца, где Александр находился с матерью, новость принесла няня Ланика:

– Ой, сколько важных персов я сейчас видела! У всех одежды роскошные, разноцветные, расшитые золотом. Оружие блестит – глаза слепит, а драгоценностей на каждом столько, сколько женщина не наденет. Будто не люди, а павлины! – Она рассмеялась. – И кони у них тоже все в дорогих накидках!

Александр играл с Караном, внучатым племянником Ланики, в «кружочек»: ударом своей серебряной монеты нужно было перевернуть другую монету, – кто отберёт больше у противника. Услышав, о чём говорит няня, он бросил монеты на пол; глаза его округлились, выражая неподдельное любопытство. Царевич подошёл к Ланике и решительно заявил:

– Я хочу увидеть персов.

Олимпиада легонько приобняла сына и с улыбкой принялась успокаивать:

– Александр, милый, персы приехали к твоему отцу по важному делу. Им нужен только царь.

– Отца нет в Пелле. – Александр взъерошился, будто драчливый воробышек, в голосе зазвучало упрямство. – Он сказал мне, чтобы я был царём, пока он отсутствует. Пусть персы мне скажут, чего хотят!

Олимпиада впервые услышала от сына такие «взрослые» слова, причём сказанные вполне серьёзно. Она переглянулась с Ланикой. Няня всплеснула руками и незаметно вышла, поспешив к Антипатру. В Македонии все знали, что только он является самым главным человеком после Филиппа. Царица Олимпиада как мать наследника имела влияние во дворце, но, по македонским законам, к политике отношения не имела.

Тем временем персидское посольство разместили по жилым помещениям во дворце. Нашлось место слугам, коням и обозным животным. Хейрисофосу пришлось похлопотать, чтобы приезжие были довольные, выслушивал просьбы, обещал исполнение и прислушивался, о чём говорят между собой – с их языком он познакомился в молодости, когда занимался перепродажей коней. Бывал он и в Персии. Оказалось, послы находились в растерянности, не знали, как поступить – царя-то не было! Ожидать? Неизвестно, сколько на это уй-

дёт дней. Возвращаться домой – могут не поверить, что так получилось.

В разгар сомнений у персов неожиданно появился Элний. Он представился секретарём Филиппа.

– Уважаемые гости, – с загадочным видом произнёс он, – вы знаете, что у нашего царя есть сын Александр. Ему семь лет. Царь любит сына, объявил его наследником.

Элний замялся, подбирая слова, и произнёс:

– Так вот, царевич пожелал познакомиться с вами, хочет расспросить о вашей прекрасной стране. Он мальчик любознательный, ему всё интересно.

Теперь Элний заговорил увереннее:

– Если вы не возражаете, Александр примет вас завтра. Но мы просим не принимать всерьёз его детский каприз, если хотите, посчитайте игрой. Обещаю, ваше участие не останется без благодарности со стороны царя Филиппа.

Персы понимали, что такой «приём» не решит их проблему, с чем они прибыли в Пеллу, но после колебаний согласились. Им показалось забавным подыграть сыну македонского царя в затее. Будет о чём рассказывать по возвращении в Персию.

В назначенное время массивные дубовые двери мегарона* распахнулись, и в просторный зал, где царь Филипп обычно принимал официальные делегации, вошли пятеро персидских посланников – один за другим, согласно дипломатическому рангу: бронзовые лица, мелко завитые боро-

ды, красные от хны, расшитые золотом яркие кафтаны с широкими складками на рукавах. Одежду дополняли узорчатые пояса с затейливыми застёжками. Под кафтанами надеты цветные шёлковые рубахи, расширенные книзу и украшенные вышивкой, тесьмой или кантом. Рубахи отдельно подпоясаны широкими шарфами. У всех на ногах невысокие кожаные сапоги с вышивками.

Предводитель посольства выделялся одеждой, изобиловавшей драгоценностями, на груди вышитое золотом изображение сокола. На голове *митра* в виде усечённого конуса с плоским верхом, расшитая золотыми пластинками с драгоценными камнями. Из-под митры свисали длинные, мелко завитые рыжие волосы парика. Выглядел он излишне полноватым, округлое лицо с плоским носом и прищуренными глазами казалось сонным; маленькие ушки, мясистая в складках шея и накладная рыжая борода дополняли живописный портрет главного перса.

Послы увидели наследника македонского царя. Белокурого светлоглазого мальчика в красном гиматии* поверх белого хитона. Он едва дотягивался ногами до скамейки, поставленной у основания трона, сидел в напряжённой позе, выпрямив спину – так, он представлял себе, сидят цари, принимающие важных гостей. Раньше ему представлялся случай находиться в зале приёмов рядом с отцом, поэтому он старался не показывать волнение, хотя розовеющие пятна на бледных щеках всё же выдавали его.

Вдоль стен толпились царские придворные, кто оказался «под рукой» у Антипатра – он приказал всем быть на необычном «спектакле». Хотя члены посольства старательно прятали ухмылки, подбадривая друг друга взглядами для участия в царской забаве, у них сложилось впечатление, будто сейчас и впрямь начнётся официальный приём.

Персы вежливо раскланялись в сторону царевича, почти до полу; главный посол по-гречески произнёс заготовленное приветствие, в то время как Александр, кому всё это было предназначено, разглядывал его с искренним детским любопытством.

Выслушав яркую, цветастую речь, не привычную для македонского слуха, царевич ответил, стараясь придать лицу важное выражение, а голосу – необходимую твёрдость:

– Царь Филипп не может принять, его нет в Македонии. В его отсутствие я готов выслушать вас.

Главный перс был готов ко всяким неожиданностям, но, услышав речь определённо не ребёнка, откровенно растерялся. У него даже взмокли ладони и спина. Пробормотав по-своему что-то неразборчивое, он лихорадочно соображал, как выпутаться из необычной ситуации. Главное для него было продолжать «игру в царя» с малышом и при этом не наговорить глупостей, которые могут быть двояко расценены той или иной стороной. Чтобы успокоиться, он погладил рукой свою бороду и, важно выставив верхнюю губу, со значением произнёс:

– Александр, достойный сын достойного царя Филиппа! Дело, с которым мы явились в Пеллу, очень важное как для персов, так и для македонян. Я обязан вручить послание моего царя Артаксеркса в руки царю Филиппу и, если можно будет, привезти ответное письмо. Твоего отца нет, поэтому я не могу исполнить поручение своего царя.

– Уважаемый посол! – последовал ответ царевича. – Ты можешь передать послание царю Филиппу, но, когда это произойдёт, никто не знает. Лучше будет, если послание получит его советник. – Царевич указал на Антипатра. – А он уже будет решать, как всем поступать дальше. Возможно, и царь вернётся.

Слова семилетнего мальчика повергли в изумление всех, кто присутствовал при разговоре, персов и придворных. Посол растерянно повернул голову в сторону Антипатра, тот незаметно кивнул головой.

– Хорошо, Александр, сын царя Филиппа, – решительно заявил перс, – мы поступим, как ты предлагаешь.

Присутствующие в мегароне облегчённо вздохнули, всем показалось разумным такое решение. И посол был рад возможности хотя бы таким образом разрешить своё непростое дело. Он с подчёркнутым достоинством раскланялся перед тронем, отступил назад и подал знак помощнику. Тот подал небольшой сундучок красного дерева, откуда перс извлёк свиток с большой красной печатью на шнуре, передал Антипатру.

Подумав, что приём заканчивается, посол дал знак остальным членам своей делегации и начал откланиваться; за ним остальные персы, и все медленно попятились к двери. Среди возникшей тишины раздался звонкий детский голос:

– Пойдите, я вас не отпускаю!

Слова царевича прозвучали так, если бы участники «приёма» услышали гром среди солнечного дня! Лица персов и царских придворных отразили неприкрытые растерянность и удивление. Александр, повернувшись к Антипатру, стоявшему за спиной с непроницаемым лицом, сказал:

– Я хочу знать всё о Персии.

Персы вопросительно посмотрели на советника, не предполагая, чем всё-таки завершится их встреча. Но Антипатр, опытный придворный Филиппа, тоже не знал, как поступить дальше. И вдруг посол догадался, как продолжить игру и при этом не потерять лицо. Он вернулся на место перед тронем и сотворил на лице приятную улыбку.

– О, Александр, сын царя Филиппа! – начал он, вытирая тряпичной салфеткой обильный пот со лба. – Я буду счастлив, рассказать сыну македонского царя о стране персов. Персидское царство огромно своими размерами: начинается в Египте, а край его в Индии. Не счесть народов, которые нашли покровительство у персидских царей, все благодарны им, с радостью платят дань. Наши цари имеют четыре столицы: проводят зиму в Сузах, лето – в Экбатанах, осенью переезжают в Персеполь, а остальную часть года находятся в Вавилоне. Но

жемчужиной в короне персидских царей является Персеполь – чудо-столица с великолепным дворцом, выстроенным царём Дарием двести лет назад.

По довольному лицу перса и торжественности в голосе было заметно, насколько ему приятно сообщать такие сведения юному наследнику царя. От гордости за свою страну посла распирало. Ещё с большим воодушевлением он продолжал:

– Наш царь Артаксеркс сидит на золотом троне, который находится на помосте из чистого золота, а вокруг помоста четыре золотых столба, украшенные драгоценными сапфирами, изумрудами, и на тех столбах натянут пурпурный шитый навес. Царя окружают телохранители, числом тысяча, лучших, отобранных из десяти тысяч «бессмертных» гвардейцев. В своём дворце царь ходит по самым лучшим рукодельным коврам из Сард, на которые никто не смеет ступить, кроме него. За пределами дворца никто пешим его не видит, он передвигается всегда на колеснице или на коне. Когда царь выступает в поход, для него специально набирают воду из протекающей у Суз реки Хоаспа. Эта вода кипятится и разливается по серебряным сосудам, на вкус она необычайно легка и приятна, и с этой-то водой в сосудах сто четырехколёсных повозок, запряжённых мулами, всегда следуют за царем, если он в походе или путешествует.

Александр слушал, что говорит посол, с недетским вниманием, до конца. Потом решительно заявил:

– Ты так хорошо рассказал, уважаемый, что мне захотелось увидеть, как живёт персидский царь. Но сейчас не могу, подожду, когда вырасту и сам стану царём.

Посол подобострастно заулыбался, склонился в поклоне и сказал, облизывая влажные губы:

– О, я уверен, царь Артаксеркс будет рад видеть своим гостем сына царя Филиппа.

Посол опять засобирился, считая, что уже на этот раз ему точно пора уходить. Но Александр опять задержал его:

– Уважаемый, если Персия огромная страна и в ней живёт столько народов, как же ваш царь управляет с ними?

Посольские персы стали перешёптываться, видимо, сообщая, кому придётся отвечать. Их предводитель не растерялся:

– Наш царь из своей резиденции управляет страной через наместников областей, их называют сатрапами. Сатрапы собирают налоги и отсылают их в казну. Когда царь объявляет войну врагам Персии, каждый сатрап собирает своё войско и с ним присоединяется к армии царя. Чем больше сатрапий, тем больше армия у царя.

Александр захлопал в ладоши, заёрзал на троне.

– Мне нравится, как придумал с сатрапами ваш царь. Но для чего вам ещё воевать, если у вас и так большая страна?

Посол вдруг осознал, что продолжение разговора принимает нежелательную в дипломатии окраску. Он выразительно посмотрел на Антипатра. Тот охотно вмешался:

– Александр, позволь вмешаться в ваш замечательный разговор. Наши персидские друзья устали, и по законам македонского гостеприимства мы не можем их больше задерживать. Оставим на завтра остальные разговоры. Я уверен, что так поступил бы твой отец.

Неожиданно Александр заупрямился:

– А мне интересно! Я так хочу!

Он капризно топнул ногой по скамейке. Персы смотрели на своего предводителя, а тот раздумывал, как вести себя дальше. Наконец, он натянуто улыбнулся царевичу и произнёс:

– Нет, мы не устали настолько, чтобы прервать нашу приятную беседу с умным собеседником. Я отвечу, мне нетрудно это сделать.

Посол осознавал, что на него неожиданно взвалилась ответственность за каждое своё слово. Если он хоть что-то скажет не так и этот любознательный мальчик неправильно его поймёт, ему не поздоровится. Донесут Артаксерксу, и ему конец! Перс начал осторожно:

– Персидские цари сами никогда никому войну не объявляют. Только когда какой-то народ попросит защитить от врага. У нашего царя тысяча тысяч пехоты и десять тысяч всадников, причём всадники все из знатных семей, участвуют в сражениях рядом с царём. Есть у нас повозки с большими смертоносными серпами на колёсах; они косят вражеских воинов, словно траву. Есть ещё боевые слоны, их сотни, они

обучены убивать тех, на кого им укажут. Вот почему персидская армия непобедима. Вот почему чужеземные цари и полководцы с радостью идут служить царю персов. – Мясистое лицо посла расплылось в улыбке. – Твой предок Александр, гордое имя которого ты носишь, тоже служил персидскому царю Ксерксу. Все греки боялись Ксеркса, а македонского царя Александра уважали.

Царевич побледнел лицом.

– Неправда! – крикнул он с обидой в голосе и вопрошающе посмотрел на Антипатра; тот отвёл глаза.

– Да, так было, – не уступал перс. – Царь Александр, сын царя Аминты, и царь персов Ксеркс были добрыми друзьями. В то время Македония воевала с Грецией, а Ксеркс помогал ему. Сейчас царь Артаксеркс дружен с твоим отцом, уважает его как отважного воина. Царь Филипп хочет заставить Афины уважать Македонию, и в этом вопросе царь Ксеркс поможет ему. В союзе с Персией твоему отцу покорятся Спарта, Афины и все другие враги.

По глазам царевича, предательски повлажневшим, было заметно, что он расстроился. Соскочив с трона и путаясь в длинной не по росту парадной одежде, Александр выбежал из мегарона и только за его пределами разрыдался в голос.

Гости и придворные, задержавшиеся в мегароне, неторопливо вышли вслед, притихшие и озабоченные.

Осада Олинфа продолжалась около года, и всё это время Филипп отсутствовал в Пелле. Персы давно отбыли домой, так и не получив от македонского царя внятного ответа на предложение военного союза. Это было в его манере испытывать друзей и противников надеждами и обещаниями. Македонии было ни к чему, как предлагал Артаксеркс, предоставлять свою территорию для накопления персидских войск перед броском на Центральную Грецию, к Афинам. Филиппу не нужна была конфронтация с населением греческих городов, с которыми он намеревался договориться купленным миром и несбыточными обещаниями. Он не спешил, выжидал, чем закончатся события вокруг престола персидских царей. Знал, что в Персеполе давно зрели заговоры членов царственных семей, которые могут привести к смене не только личностей на престоле и отсюда настроений в отношении Греции, но и во внешней политике Персии в целом.

Вернувшись в Пеллу, Филипп услышал от Антипатра полный отчёт о действиях сына в его отсутствие. Освободившись от накопившихся срочных дел, царь появился на семейной половине дворца.

– Александр, как ты вырос! – с радостью заметил отец, обнял, поцеловал. – Ну а теперь расскажи, как ты воевал с персами.

Александр, заглядывая ему в глаза, спросил:

– Отец, разве мой предок Александр служил у царя персов? Скажи, что это неправда.

– Мальчик мой, – Филипп сразу посерьёзней, – ты правильно поступил, что не поверил чужеземцу. Я хорошо знаю персов, они большие интриганы. Поэтому не верь тому, что сказал тот перс. Твой предок Александр не предатель, а герой. Когда на землю Македонии пришла армия Ксеркса, он поступил мудро – сделал вид, что покорился. Если бы он так не сделал, Македония могла бы погибнуть. Царь Александр согласился стать союзником персов, чтобы в нужный момент принести пользу грекам, с которыми македоняне одной крови. Царь Александр был вынужден с македонским войском выступить против греков, но перешёл на их сторону сразу, как представился случай. Узнав секретный план полководца персов Мардония, Александр выдал его грекам. В результате греки победили, а царь Александр стал участником этой победы.

Филипп увидел, как у сына глаза занялись гневом, рука сжала рукоятку деревянного меча, который носил на поясе.

– Я убью персов, которые говорили плохо о царе Александре! – заявил он.

– Я верю, сын мой, придёт твоё время, и ты накажешь Персию за поругание Эллады. Ты уже доказал, что достоин царского престола. Но я думаю, когда ты вырастишь, в Македонии будет тебе тесно, как статуе Зевса в храме Олимпии.

В этот вечер юный царевич долго ворочался в постели, вспоминая слова отца, ставшие вещими...

Глава 4. ИЗгой

Стагиры

Аристотель Стагирит, как его называли греки, родился в 384 году до н. э. в Стагирах, провинциальном городе в живописных горах Халкидики. Укрытые развесистыми шапками вековых дубов и платанов, жилые дома здесь проглядывали сквозь зелень красными черепичными крышами, подступая вплотную к крепостным стенам. Аристотель с детства знал, что его родной город появился на месте древнего поселения греков-колонистов, прибывших когда-то с острова Андрос; аборигены отнеслись к пришельцам враждебно, случались вооружённые стычки, из-за чего поселение вскоре обезлюдело, разрушилось и заросло мелкоколесьем.

Прошло несколько сотен лет, пока в этих местах снова появились греческие переселенцы с Андроса. На этот раз для жилья они выбрали более удачное место – у подножия двух холмов, которые с одной стороны прикрывали город от вражеских набегов. Другой стороной городские кварталы полого спускались к берегу морского залива, воды которого изумляли всякого, кто впервые видел это, необыкновенной прозрачностью и густым изумрудным цветом. Через залив просматривается крохотный островок Капрос (Кабан), действи-

тельно напоминающий очертаниями это животное, а за Капрсом, но уже только в ясную погоду, просматриваются горные хребты Македонии и Фракии.

Аристотель вспоминал Стагиры, когда на Лесбосе начал изучать строение и повадки морских животных, рыб и губок. Как подростком прибегал на берег, когда приставали баркасы, потяжелевшие от даров Посейдона. Усталые бронзовые рыбаки с хмурыми лицами торговались с перекупщиками, перекрывая хриплыми голосами переключку голодных чаек. Ударив по рукам и перегрузив улов в большие ивовые корзины, они не спешили домой, оставались у костров, счастливые от сознания, что живы и кое-что заработали на жизнь. Самый проворный из их команды ловко жарил на углях рыбу, креветок и кальмаров, потом рыбаки с аппетитом ели и угощали каждого, кто навещал их ненароком. Они в очередной раз рассказывали друг другу старые истории и всегда смеялись, где нужно было, или печалились. Пили некрепкое сельское вино, закусывая головками лука и *кефалотири* – козьим сыром, слегка расплавленным над огнём. Сыр пузырился, жир капал на раскалённые головешки, шипел и дымно прогорал, вызывая у сотрапезников чувство неукротимого голода. А с насыщением возникало ощущение полной свободы, жизнелюбия...

Аристотель жил в Афинах, когда узнал о захвате и разорении Стагир македонянами. Город находился в приграничной с Македонией территории, вследствие чего он не мог не

попасть в зону внимания царя Филиппа. Не спас жителей ни военный союз с греческими городами на Халкидике, ни собственная отвага. Город не защитили высокие крепостные стены – они не устояли перед чудовищной разрушительной силой стенобитных механизмов. Часть жителей Стагир погибли, оставшиеся в живых были пленены, или им удалось бежать. Не прошло и полугода, как на пепелищах появились переселенцы из Горной Македонии.

* * *

Отец Аристотеля рассказывал ему в детстве, что предком их древнейшего рода был бог врачевания Асклепий, сын Аполлона. У Гомера в «Илиаде» есть упоминание о сыне Асклепия, враче Махаоне, который у стен Трои извлекает стрелу из раны спартанского царя Менелая, выжимает кровь и прикладывает лекарства, чудодейственную силу которого Махаон узнал от отца. Асклепию открыл секрет мудрейший кентавр Хирон. Мужчины рода Асклепия во всех поколениях овладевали искусством врачевания, становились профессиональными врачами. Сыну Никомаха быть врачом сам Асклепий велел!

Никомах служил придворным лекарем у царя Аминты. В Пелле с ним находилась жена и двое детей: несовершеннолетняя дочь Аримнестра и маленький Аристотель. Отец не сомневался в том, что сын тоже займётся врачеванием, по-

этому с детства передавал ему свои познания в медицине, нанимал хороших преподавателей для обучения общеобразовательным наукам.

В пятнадцать лет Аристотель остался без отца. Семья вернулась в Стагиры, где старшая сестра Аримнестра удачно вышла замуж за *фармакопола* Проксена, торговца лекарственными снадобьями. По существующему закону, после смерти главы семьи его вдова и несовершеннолетние дети переходят под опеку мужчины, старшего по возрасту. Проксен становится *агнатом* Аристотеля и его младшего брата*, который успел родиться после него, заботится о них как добропорядочный родственник. Взамен Аристотель помогал ему в торговой лавке, прислушиваясь к советам Проксена, которые фармакопол давал своим покупателям. В этот период жизни у молодого Аристотеля проявился интерес к познанию природы, особенно, когда Проксен выводил членов семьи за город, где под его наблюдением они заготавливали лекарственное сырьё. Именно тогда у него проявился интерес к сбору редких трав и растений, наблюдению за поведением животных.

От Никомаха Аристотелю остались записи, из которых было ясно, что отец занимался изучением проявлений органической и неорганической природы. Чтение научных трудов приучило юношу к анализу, послужило обретению навыка к исследовательской работе, проведению опытов и построению научно прогнозируемых догадок относительно за-

конов природы. Подспорьем в домашнем образовании Аристотеля стали медицинские книги отца и редкие рукописи, на приобретение которых Проксен не скупился. Всё складывалось в пользу того, что после получения определённых фармакологических знаний и лечебной практики Аристотель станет профессиональным врачом древнего клана Асклепиадов.

На самом деле знакомство с научными трактатами по различным научно-познавательным направлениям пробудило в нём неутолимое желание познать ещё больше. Например, всеобщие законы развития природы. Естественным образом появилась тяга к «любомудрию», как греки определяли философию, – «учению о бытии и познании», взаимоотношении человека с окружающим живым миром. Аристотель всё меньше интересовался медициной, тратя время на чтение книг и исследование природных явлений. Проксен как агнат проявлял недовольство по этому поводу, а сестра Аримнестра сказала мужу:

– У брата есть родинка на темени.

– Почему ты об этом говоришь мне?

– Когда он родился, *акестрис* (повитуха) показала нашей матери родинку и сказала, что такие знаки боги дают своим любимцам. Сказала ещё, что он будет очень умным, но характером – несговорчивым. Всё оттого, что прикоснётся к великому, божественному.

Аримнестра убедила Проксена, чтобы он не препятство-

вал желанию Аристотеля учиться наукам, которые сам избе­рёт.

По достижении восемнадцати лет – возраста *эфеба* – Ари­стотель получил свою долю отцовского наследства, имуще­ством и деньгами, чем до сих пор распоряжался опекун. Как убеждают одни античные авторы, что значительные средства он растратил «в гульбищах», поэтому подался в Афины, где нанялся пехотинцем в городское ополчение. По другим све­дениям, он мирно расстался с семьёй и добропорядочным Проксеном, оставив ему на попечение свою имущественную долю с его обещанием, помогать Аристотелю на время учё­бы.

Так или иначе, восемнадцатилетним юношей Аристотель оставил Стагиры ради того, чтобы оказаться в Афинах, в самой знаменитой академии Платона, ставшей для Греции «рассадником новой философской мысли»...

Детище Платона

Академия получила название по имени легендарного Ахедема, участника событий Троянской войны (XIII в. до н. э.) и хозяина земельного участка, на котором появилось самое престижное учебное заведение Греции. Здесь находилась его могила, а высаженная им роща оливковых деревьев стала священной для афинян. В 385 году до н. э. Платон, «старший друг» Сократа, «справедливейшего человека своего времени», на средства друзей и учеников приобрёл заброшенный участок земли. Вскоре на северо-западной окраине города появилась школа, действующая под девизом «Союз мудрецов, служивших Аполлону и музам» – *Мусейон*.

В процессе строительства Мусейона Платон дал указание, чтобы восстановили древние руины усадьбы, возвели новые помещения для учебных занятий, храм и *гимнасий*, где слушатели в перерывах между лекциями могли укреплять тела физическими упражнениями. Вдоль дороги, ведущей из Афин, со временем появились мраморные *стелы* в память о мифологических героях и гробницы афинян, прах которых заслуженно покоился в этом престижном месте. На территории Академии разместилось святилище Афины-Покровительницы, куда приходили горожане со своими заботами. Между деревьями рощи для досуга учеников проложены аллеи, устроены мраморные беседки и скамьи. По границам

Академии возвели каменные стены с нишами, где стояли жертвенники, посвящённые девяти Музам, герою Прометею и богу Эроту. По территории протянули оросительные каналы с родниковой водой, в результате ожил запущенный сад, клумбы обзавелись яркими всепогодными цветами.

В завершение строительства комплекса Академии Платон распорядился выбить на верхних камнях главного портала слова: «Негеометр сюда не войдёт», что означало его приверженность к учению Пифагора о числах, математике и геометрии. По внутреннему распорядку платоновская Академия в самом начале была подобием легендарной пифагорейской школе с её общинным образом жизни: учителя и ученики совместно жили и устраивали трапезы, образ жизни тех и других был близок к аскетизму. Лекции читались не только для учеников Академии, послушать приходили и обычные афиняне, для кого важен был поиск истины, кто желал проникнуть в тайны философской науки. Финансовое содержание Академии осуществлялось за счёт добровольных взносов слушателей – кто, сколько в состоянии был платить.

Занятия в Академии проводились с утра до позднего вечера ежедневно по однажды заведённому распорядку: лекции по этике и поэтике, теологии (мифология) и натурфилософии (природоведение), математике Пифагора. Слушателям предлагали делать тематические доклады, с которыми они выступали на диспутах, каждый работал над каким-либо научным или философским сочинением. Выпускники афин-

ской Академии становились известными государственными деятелями и политиками Греции. Всё это создавало высокую репутацию учебному философскому заведению, куда устремлялись за знаниями молодые люди из всех греческих городов. Среди них были выходцы из семей разного имущественного достатка, но всех объединяло огромное желание постичь тайны природы через философию.

Новичок

В 360 году до н. э. Платон, уже руководитель Академии, *схολарх*, находился на Сицилии, где при дворе сиракузского правителя Дионисия Младшего пытался воплотить в жизнь свою мечту о философе на троне и о государстве, управляемом мудрым и справедливым царём. Дионисий сначала гостеприимно принял философа и заинтересовался его учением, но как и его отец, Дионисий Старший, вынудил Платона покинуть Сиракузы и Сицилию.

Аристотель появился в Афинах во время отсутствия Платона, поэтому его принимал исполняющий обязанности *схολарха* Евдокс, друг Платона. В Греции его знали как учёного и философа, он получил ещё известность политическими и экономическими реформами, которые успешно провёл в родном городе Книде по просьбе земляков. Путешествуя по Египту, он познакомился со жрецами, с помощью которых он прикоснулся к тайным знаниям Космоса, освоил врачебное искусство, проявил себя в математике, астрономии и географии.

В тот день перед Евдоксом предстал худощавый юноша, почти подросток, с лицом болезненного вида. Аристотель с детства страдал коликами в области желудка, из-за чего во время приступов прибегал к надёжному в таких случаях способу: прикладывал к животу пузырь с тёплым маслом.

Евдокс с сомнением посмотрел на Аристотеля и после небольшой паузы произнёс:

– Слишком молод ты для наук, что здесь изучаются; они столь сложные, что под силу разве что взрослым мужам.

Ответ абитуриента поверг сшоларха в изумление:

– Уважаемый учитель! Не стану возражать, что в вашем курятнике, который называется «академией», я кажусь цыплёнком. Если это недостаток, время исправит его. Но прошу принять к сведению, что в курятнике не только куры, но встречаются и бойцовые петухи. Кур пускают на бульон, а петухи в схватках проявляют себя героями.

Аристотель высказался с вызовом, не опуская глаз, и сшоларху его поведение вдруг понравилось.

– Похвальны твои сравнения, эфеб, – заинтересованно произнёс Евдокс. – Но если ты завёл разговор о курах, тогда скажи, что родилось в начале: курица или яйцо?

Вопрос философа не застал юношу врасплох:

– Чтобы ответить на вопрос, нужно предположить, что начало есть нечто первое – в моём представлении, некое подобие семени. Если принимаем яйцо за начало, то курицу – за результат. В таком случае яйцо появилось раньше самой курицы.

Евдокс одобрительно закивал головой, потом, всматриваясь в юное лицо Аристотеля, подозрительно спросил:

– Ты сам додумался или от кого-то услышал?

– Учитель, я осмелюсь признаться, что поначалу увлекал-

ся орфиками*, а они провозгласили яйцо всеобщим перво-родством во всей природе. По мнению этих неистовых последователей Орфея, именно яйцо порождает всех пернатых и земных существ, рыб и морских животных, и земноводных, имея в виду змей, ящериц, крокодилов и даже саранчу. Всё будто рождается из яйца и всё в себе содержит яйцо.

В глазах Евдокса мелькнули искорки, какие бывали у него при встрече с достойным оппонентом.

– Я чуть было не согласился с тобой, эфеб, да вспомнил другое. Ни один здравомыслящий человек не скажет «курица яйца», а только «яйцо курицы», как и «семя человека» вместо «человек семени». Ведь разумнее полагать, что «совершенное» предшествует «несовершенному». Оттого твой вывод равносителен утверждению, будто женское чрево появилась раньше женщины. Как и яйцо по отношению к детёнышу, который в нём вынашивается и откуда нарождается. В соответствии с этим яйцо нарождается из курицы, отдавая долг природе.

Заметив, что Аристотель смущён, философ миролюбиво махнул рукой.

– Не будем продолжать спор, поскольку философия не позволяет завершить его победой одной стороны и поражением другой. Тебе всего-то нужно признать, что если птицы выют гнезда до кладки яиц, а женщины заготавливают пеленки до рождения детей, не следует утверждать, что птичьи гнёзда возникли ранее яиц, а пелёнки ранее детей.

После такого разговора Евдокс без колебаний определил Аристотеля в группу своих учеников, не сомневаясь, что Платон по приезду не станет возражать. Евдокс был первым его наставником в философии единства эмпирических и теоретических познаний. От него впервые услышал он идею бесконечности в пределах общих сферических представлений о космосе. Несмотря на большую разницу в возрасте между ними завязались тесные приятельские отношения.

Погружение в философию

После двухлетнего пребывания на Сицилии Платон вернулся в Афины, к руководству Академией, получив от Евдокса лестную характеристику Аристотеля. С этих пор юноша начинает посещать лекции Платона, где, несмотря на сложность восприятия материала, удивляет учителя не столько знаниями, сколько усердием. Молодой Стагирит, как его сразу назвал Платон, выделялся среди остальных учеников ещё и беспредельной верностью учителю. Однажды был случай, когда Платон читал лекцию, настолько сложную для понимания, что слушатели начали покидать аудиторию один за другим. В тот день философ излагал свою теорию о существовании человеческой души:

– Подлинная сущность души – Разум, в силу чего занебесное бытие является ее естественной отчизной. Вот почему Сократ, готовящийся принять смерть, не только не сожалел об этом, но и радовался предстоящему уходу из жизни. Он знал, что тело мешает душе быть собой, а смерть освобождает душу от бремени тела.

Аристотель досидел до конца лекции, вникая в каждое слово учителя, а когда Платон засобирился уходить, остановил его возгласом:

– Учитель, я не могу согласиться с утверждением, будто тело для человека, только чуждая оболочка.

– Почему такое недоверие моим словам? – озабоченно спросил Платон, с интересом поглядывая на смелого ученика.

– Если следовать вашему утверждению, учитель, человеческая душа познаёт лишь себя. Тело при этом сообщает душе свои ощущения: огонь горячий, а лёд холодный, камень твёрдый, ртуть жидкая. Душа вынуждена считаться с подсказками тела, задумываться над ними, как поступать. Но ведь душа должна задумываться лишь над Вечным, Неизменным, а не получать от тела представления о постоянно меняющемся мире через ощущения?

Платон не удивился такому вопросу, он привык к тому, что слушатели не всегда воспринимали материал или возражали, выдвигая свои аргументы. Такое поведение в Академии позволялось, но случаев долгого противостояния идеям самого сшоларха со стороны учеников до сих пор не наблюдалось. Платон подошёл в Аристотелю и стал снисходительно пояснять:

– Юноша, представь себе душу крылатой двуконной колесницей, которой управляет возничий. В образе возницы – Ум, сам по себе являющийся душой. Душа всегда настроена в покое созерцать Небо, а кони не дают ей такого случая; они есть страсти души, то, что приходит в душу от беспокойного физического тела. Душа с трудом созерцает бытие и она же, увлечённая неразумными развлечениями и похотью в брeнном теле, способна забыть о своём первоначальном предна-

значении. Разум помогает душе обрести покой.

– С этим трудно не согласиться, учитель. Но что понимать под страстями?

– О, это всё, что вмещается тяжкого земного в светлой душе, что тянет её вниз. Всё, что не возвышает её к истинному бытию. Когда человек спит, ест, удовлетворяет свои нужды, он не стремится к Истине, стало быть, он оказывается в плену своих страстей.

– Получается, учитель, тогда человеку не следует ни есть, ни спать?

– Здесь ты прав: если хочешь продолжать жить, придётся тебе есть и спать. Но в тот момент душа человека не является настоящей душой.

– Получается, никто среди людей не обладает настоящей душой? – настаивал Аристотель.

– Никто, кроме философа, не претендует на обладание настоящей душой. Но стать настоящим философом может тот, кто способен ограничить свою связь с телом. Освободит себя от мирских желаний, окажется наедине с собой, в безмятежности. Душа должна жить лишь Истиной, ничем иным, кроме Истины. Чем более душа предаётся своим истинным занятиям, тем менее её обременяет земное существование.

Платон умолк. Выступившие на полном лице капельки пота давали знать об усталости; он не предполагал спора с учеником, поэтому немного разнервничался. Хотя раздражения не показывал – не в его характере было уходить из

диспута с поражением.

Это спор с Платоном ещё больше укрепил Аристотеля в необходимости продолжать заниматься философией. Сомнений не стало – философия есть высший род досуга свободнорождённого эллина и вместе с тем его высшая деятельность, ибо деятельность ума есть жизнь. Большинство товарищей Аристотеля по учёбе именно так представляют себе занятия в Академии. Однажды он спросил Ксенократа:

– Что тебе дают занятия философией?

– Я счастлив, когда погружаюсь в философию, – ответил он.

– Не скажешь ли, друг мой, – приставал к нему с вопросом Аристотель, – разве поиск истины не лишает тебя покоя?

Ксенократ задумался и ответил, сохраняя обычное спокойствие на сонливом лице:

– Только когда занимаюсь философией, я чувствую себя надёжно. В этот момент я словно пребываю внутри крепости с высокими прочными стенами, хотя прекрасно понимаю, что от философии нет толку для меня, если ставить целью занять богатство. Но я всё равно философствую и пребываю в блаженном состоянии, будто достигаю вершин добродетельного наслаждения. Но чтобы достичь такого состояния, мне необходимо оставлять за стенами своей мыслями воздвигнутой крепости все заботы, стремясь внутри неё изучать жизнь и всё, что вокруг неё.

Цена истины

Поначалу Аристотель следовал взглядам Платона, самого влиятельного в Греции философа. Поскольку схолярх Академии был на сорок лет старше, ученик с почитанием относился к его возрасту, а если приходилось сомневаться в его высказываниях, не пытался наглядно оспаривать его суждения. Но так не могло долго оставаться, ибо с каждым годом к Аристотелю приходили знания, со знаниями – сомнения, с сомнениями появлялись собственные представления о вещах, после чего ему уже было не до авторитетов!

Молодой философ начал воспринимать окружающий мир глазами материалиста. Он отрицал наличие двух миров – мира идей и мира вещей, на чём настаивал Платон. Каждая вещь у Аристотеля заключала в себе не только свою материальную основу, но и свою идею, действующую причину и цель своего развития. Он доказывал, что идеи находятся внутри отдельных вещей как принцип и метод, как закон их становления, как энергия, фигура или цель.

Разночтения с учением Платона появились у Аристотеля и в теории познания Истины. Платон утверждал, что понятия – это не только наши мысли о бытии, но и всё, что существует само по себе, самобытно и, безусловно, независимо от чувственного мира. Аристотель же выступал против подобной оценки познания; для него познание представляло собой

основание опыта – в ощущениях, в памяти и привычке. Любое знание, говорил он вопреки суждению учителя, начинается с ощущений: оно есть то, что способно принимать форму чувственно воспринимаемых предметов без их материи.

По мысли Платона, высшее благо пребывает вне мира; стало быть, и высшая цель нравственности находится в сверхчувственном мире. У Аристотеля благо – это то, к чему стремится человек. Хотя есть различия: грубые люди находят благо в наслаждениях, для благородных оно сокрыто в почестях, а мудрые ищут его в собственном сознании.

Аристотель видел назначение человека в разумной деятельности, отличающей его от растений и животных. Для Платона человек – несовершенный бог, а для Аристотеля бог – это совершенный человек, в связи с чем мера всех вещей и истины есть совершенный нравственный человек.

Однажды Аристотель, ставший уже преподавателем Академии, присутствовал на лекции Платона и услышал, как он делился со слушателями своими представлениями о государстве и обществе:

– Самое идеальное, с нашей точки зрения, государство является сообществом земледельцев, ремесленников, производящих все необходимое для поддержания жизни граждан.

Платон говорил, как обычно, спокойным, тихим голосом, и поскольку его внимательно слушали, в заполненной аудитории стояла тишина.

– В таком государстве есть воины, охраняющие безопас-

ность, и есть правители, но обученные философами, отчего управление гражданским обществом осуществляется мудро и справедливо. Управляют таким государством аристократы как лучшие и наиболее мудрые граждане.

Неожиданно раздался голос Аристотеля, показавшийся почитателям Платона слишком дерзким:

– Ваше идеальное государство, уважаемый учитель, неизбежно погрязнет в заговорах враждебно настроенных групп общества, которых вы успешно отстранили от управления. Зря вы доверяете управлять одним аристократам, они уже показали себя, на что они способны.

– Откуда такое мнение, Стагирит? – отозвался Платон, не теряя спокойствия. – Каждый класс будет заниматься тем делом, для чего рождён, и заниматься будет оттого хорошо. Такое состояние общества будет идеальным, с точки зрения любого философа.

Аристотель не отступал:

– В таком государстве появятся классы, лишённые политических прав. Я убеждён, что участие в управлении собственным государством – самое главное право каждого гражданина. Вы лишаете такого права бедняков и ремесленников, отчего появятся недовольные, которые обычно составляют заговоры против гнетущей их власти.

Платон изменил тактику, задал вопрос в вызывающе вежливом тоне:

– Может быть, уважаемый преподаватель представит нам

свой образ государственного строя, какой считает наилучшим?

Аристотель не сдавал позиций:

– Я готов! Наилучшим будет такое общество, которое достигается через посредство среднего элемента, когда под этим понятием будет класс, помещённый между рабовладельцами и рабами. Там, где средний элемент представлен в большем числе, и где нет большинства бедных, государства будут иметь наилучший строй.

Он перевёл дыхание, поскольку немного волновался, затем, оглаживая зал, весоמו произнёс:

– Но есть условие, чтобы такое государство процветало: в основе жизни людей в нём не должно быть бездумного стремления к обладанию чрезмерным богатством. Вот почему, наш уважаемый учитель, стремиться необходимо не к благой жизни, а к жизни вообще.

Платон пожевал губами, обдумывая, чем бы ответить. На этот раз решил не возражать снова, а смягчить спор.

– Похвально, что у моих любимых учеников за время общения со мной рождаются столь неожиданные мысли, – произнёс он с улыбкой. – Философия рождает истины в споре мудрецов. Но только жизнь может рассудить, в чём она, эта истина.

Подобных расхождений во взглядах со временем становилось всё больше. Например, на сущность красоты и на искусство, которое учитель воспринимал как искажённую копию

мира идей и не придавал значения познавательной функции искусства. Аристотель же чувствовал искусство как творческое подражание природе, бытию, когда искусство помогает людям познать жизнь. Теоретические разногласия Аристотеля с Платоном осуждались сторонниками знаменитого философа, нередко они осознанно подогревали неприязнь Платона к строптивому ученику. А с тех пор как Аристотель начал преподавать собственный курс, он совсем скоро обзавёлся почитателями, которые под влиянием его лекций утратили интерес к предметам, о которых говорил Платон.

Не переставая хвалить Аристотеля и называя его душой школы, Платон был в недоумении от его вызывающего внешнего вида, выражал недовольство от проявлений дурных привычек, не принятых в философском обществе. Получая от Проксена материальную поддержку, Аристотель не испытывал затруднений для своего содержания в Афинах. При этом всегда носил изысканную одежду, щегольские сапожки и дорогие кольца – по моде «золотой молодёжи». Он искал встреч с красивыми женщинами, не считаясь, замужние они или нет, не гнушался утех продажных гетер, при этом одинаково плохо отзывался о тех и других. Вопреки моральным нормам, не находил нужным скрывать свои любовные похождения. Подобное отношение преподавателя к установленным в Академии порядкам и, конечно же, к общественному мнению сильно раздражало преклонного возрастом Платона. Сам он уже давно вёл скромный, почти сто-

ический образ жизни. И хотя Платон уже не замечал своего лучшего ученика в рядах верных почитателей, долгое время они оба наглядно сохраняли уважение друг к другу.

Глава Академии не мог понять поведения своего выдающегося ученика, хотя этому было объяснение. В этом заключался вызов Аристотеля сложившимся настроениям внутри афинского философского содружества, как некое проявление его неуёмной гордыни. Аристотель с детства отказывался повиноваться кому бы то ни было, поэтому он и в Академии не терпел, чтобы ему предписывали, как себя вести, есть, пить или одеваться. Он старался поступать вопреки всему устоявшемуся, не вписываясь в условный кодекс поведения философа в греческом обществе. Он стремился разговаривать с людьми, которых считал не глупее себя, а когда приходилось иметь дело по необходимости, тогда обычно грубил, говорил с вызывающим сарказмом и надменным выражением лица. Характер Аристотеля казался даже его хорошим знакомым несносным, его сторонились за привередливость в общении и вечно насмешливый тон и самоуверенность.

Если кому-то из недоброжелателей Аристотеля приходилось вступать с ним в спор, в разговоре с ним он был холоден и насмешлив, а тонкие бледные губы изображали язвительную улыбку. Однажды доброхот передал Аристотелю, с надеждой на ответную реакцию, что знакомый ему человек при всех сильно ругал его.

– Да пусть он даже побьет меня, за глаза! – смеясь, ответил философ.

Ещё случай. Один философ, уловив момент, когда Аристотель отдыхал на скамье в академической роще, бесцеремонно сел рядом и начал рассказывать о своей только что родившейся идее. Говорил долго, нудно, а потом участливо спросил:

– Я тебя не утомил?

Аристотель ответил в своей манере:

– Не волнуйся за меня! Я тебя не слушал!

По таким и другим похожим обстоятельствам не представлялось возможным многим преподавателям и слушателям Академии любить Аристотеля. Кто-то его обожал, признавал своим кумиром, оставаясь верным этому чувству на всю жизнь. Но большинство не могли терпеть – завидовали и боялись! Вот почему Платон, несмотря на видимое преимущество Аристотеля в знаниях перед остальными философами, предпочитал общаться с Ксенократом, Спевсиппом, Амиклом и другими учениками и последователями, кого отличал всяческим образом. В частности, разрешал принимать участие в своих философских беседах, куда Аристотеля не приглашал.

И всё-таки у Аристотеля до разрыва с Платоном дело не доходило. Он провёл в Академии почти двадцать лет, занимаясь науками, доступными философии. Везде преуспел: в логике и психологии, теории познания и космологии, фи-

зике и политической экономике, педагогике, риторике, эстетике. У него сложилось особое восприятие сложного мира Космоса и Природы, что, по сути, вступало в противоречие с закрепившимся в общественном сознании учением Платона. Но никакие дружеские узы и верность к Платону-учителю не могли заставить его, несговорчивого ученика, отказаться от взглядов, которые считал истинными. Восставая против идей Платона, он всегда оговаривался, что сознаёт все неудобства подобной полемики. Оставаясь последователем его учения, Аристотель не мог отказаться от критики, за что Платон был в обиде.

– Учение об идеях принадлежит дорогому для меня человеку, – объяснял Аристотель отношение к Платону, – но в интересах истины я обязан пожертвовать личными чувствами. Для меня оба дороги – Истина и Платон – тем не менее я отдаю предпочтение Истине.

С каждым годом пребывания рядом с Платоном Аристотель всё больше огорчал учителя резкой критикой, обидно дерзил ему. Даже сам процесс преподавания был у него другой, назывался он тоже странно – *перипатос*: когда Аристотель, прогуливаясь по аллеям академического сада вместе со слушателями, рассуждал на свою тему и так же совместно обсуждал её. Но разве могли ученики не обожать Аристотеля, провозгласившего философию как отдельную науку, исследующую «первые начала и причины», а в условиях гнетущего давления афинской демократии на личность, опре-

делившего свободу гражданина «как живущего ради самого себя, а не для другого»?

Аристотель осознавал недружественную атмосферу вокруг, но терпеливо ожидал изменений в лучшую сторону. Он мог в любой момент покинуть Академию и открыть в Афинах собственную философскую школу, что дало бы повод сильнейшей конкуренции философской школы Платона. Но он настолько уважал своего учителя, что не решался на такой шаг при его жизни. Он никогда не скрывал своих чувств, говоря, что Платон передал ему свои знания, перелил в него свою душу, и только благодаря этому он стал таким, какой есть.

* * *

Платон скончался весной 347 года до н. э. Аристотель не сомневался, что он лучший из всех преподавателей Академии, поэтому по праву займёт должность схоларха. Но он не знал, что Платон, когда серьёзно заболел, так и не решился передать дерзкому сотрясателю философского единения руководство его любимым детищем. Руководить Академией стал Спевсипп, племянник сестры Платона и автор трудов по государственной службе, политике и этике, риторике, математике, психологии, теологии. Спевсипп сопровождал Платона в последней сицилийской поездке, а в академических дискуссиях о природе идей яростно защищал платонизм.

Затаив глубокую обиду на умершего Платона, Аристотель в возрасте тридцати восьми лет оставляет Афины. Он воспользовался приглашением «погостить» Гермия, бывшего выпускника Академии, в то время правителя Троады, в Малой Азии. Его сопровождает выпускник Академии Ксенократ, ученик и друг.

Троада

Троада – степная область на северо-западном побережье Малой Азии, заселённая в основном переселенцами с греческих государств – Ионии и Эолии. Знаменита тем, что на её земле тысячу лет назад стояла легендарная Троя (Илион). Троада находилась под протекторатом персидских царей, но управлялась автономно, как сатрапия. Правитель Троады Гермий пригласил своего бывшего учителя Аристотеля, предложив на научной основе провести в государстве экономические реформы.

В Атарнее, столице Троадского царства, Аристотель прожил три года. Здесь впервые женился на Пифиаде, племяннице Гермия, возрастом вдвое младше мужа, девушке с кротким характером и обаятельной внешностью. Решившись на такой шаг, он пошёл против устоявшегося в среде философов мнения, будто нельзя в равной мере служить любимой философии и супруге. Аристотель рассудил так: женитьба – зло, но зло необходимое, ведь человек – существо природное. В живой природе всякий старается обзавестись своим подобием, составить пару и вырастить детей себе на подмогу, в старости. К тому же разве такому ценителю женской красоты и любовных утех не ведом зов плоти? Да и холостяцкий быт с возрастом становится невыносим – хочется внимания, заботы, ласки. Пришлось потом Аристотелю

объяснять своё решение другим философам, кто удивлялся, словами: «Сделал такой шаг осознанно, как гражданин: потому что семья первичнее и необходимее государства!»

Жили супруги во дворце Гермия. Задумав иметь ребенка, осознавая важность зачатия ребенка, Аристотель вспомнил слова Пифагора: «Как легкомысленно и неосмотрительно поступает тот, кто собирается породить живое существо, но не заботится об этом с величайшей тщательностью». Аристотель пересмотрел своё отношение к еде и жизненному режиму вообще. Отказался от несвоевременного и обильного употребления пищи и такой еды, от которой ухудшаются телесные свойства. Вёл разумный, здоровый образ жизни, воздерживаясь от частого употребления вина – «чтобы не возникли порочные семена».

За благоразумное ведение супружеской жизни боги дали им дочь, красивую, спокойную нравом девочку, которую, как и мать, назвали Пифиадой.

Гермий

Аристотель как близкий родственник Гермия с головой окунулся в государственные дела, с большим желанием помогал ему в управлении городами Троицы. Это было не просто, так как правитель по своему противоречивому характеру и роду деятельности осуществлял тираническую и порой деспотическую власть. Аристотелю пришлось хорошо потрудиться, чтобы найти подход к Гермию, проявить долготерпение, поскольку властитель Троицы быстро забыл всё, чему учился в философской школе Платона. Наследовав власть, Гермий перенял азиатские формы правления, не воспринимал чужие советы, особенно по вопросам политики и государственного устройства. Но Аристотель умел убеждать своих оппонентов, поэтому Гермий не запрещал ему размышлять об устройстве «идеального» государства.

Согласно исторически сложившимся традициям, Гермий осуществлял в Троице единоличную власть, ущемляя собственный народ в гражданских правах, хотя сам народ, поглядывая на Грецию, мечтал о демократическом самоуправлении. Такие взаимоотношения грозили анархией, междоусобицами, войнами – это правитель понимал. Вот почему Гермий поручил своему советнику Аристотелю найти «возможно мягкую» форму городского самоуправления, чтобы народу быть счастливым, но чтобы ему самому осуществлять

тираническую власть.

Аристотель понимал бесполезность своего участия в подобных реформах по предложенному сценарию, но отказываться от эксперимента не посмел. Угадав время, когда Гермий находился в благодушном настроении, повёл осторожный разговор:

– Философия никогда не оправдывала тиранию как верховную власть, потому что она опирается на насилие и попирает демократических институтов, законности права каждого гражданина на волеизъявление.

На лице Гермия не дрогнул ни один мускул, хотя ему было неприятно слышать эти слова от своего учителя. Когда Аристотель закончил, высказал своё мнение:

– Зря философы возмущаются по поводу тирании. В моём понимании тираническая власть необязательно предполагает жестокого правителя. Тирания – временная необходимость, когда государству грозит хаос, анархия. Тогда у власти становится законный государь, тиран, намерившийся единолично управлять, стремление которого не к своей личной выгоде или превышению власти, а к общей пользе. Тиран нужен своему народу, когда народ ещё не дорос до своей демократии.

Гермий внимательно посмотрел на философа, надеясь увидеть в его глазах одобрение. Аристотель пожал плечами, не зная пока, что ответить.

– По этой причине, Аристо, – Гермий дружески улыбнулся.

ся, – я хочу услышать от тебя таких советов, чтобы народ был доволен мной, а моя власть от этого крепла. Я хочу только добра жителям Троады. У тебя есть такие советы?

Гермий с надеждой смотрел на Аристотеля.

– Я постараюсь подобрать такое устройство Троады, чтобы ты был доволен, Гермий, – согласился философ. – Но условие для любого правителя может быть одно: чтобы демок* не терпел унижений от своеволия и высокомерия класса имущих, но и богатые не должны терпеть ущерба в своём имуществе от народных волнений.

– В таком случае скажи, что для Троады покажется лучше, – воодушевился Гермий, – целым государством под управлением тирана, или пусть каждый город в моей Троаде живёт по своим законам – самостоятельно, но при моём покровительстве?

Аристотель ответил не задумываясь:

– Наш уважаемый Платон говорил, что в идеальном государстве люди должны жить по однажды заведённым правилам. И чем тщательней эти правила будут соблюдаться, тем могущественнее будет их государство. Я же заявляю, что не может для всех людей существовать одна одежда, одно лекарство, один досуг и еда. Если хочешь знать моё мнение, идеал государственного устройства – небольшой город-полис, в котором первое место принадлежит средним слоям населения. Но сначала для такого города продумать планировку его кварталов с хорошим обзором, где все знают друг дру-

га, и сделать плохо друг против друга непозволительно. В таком случае законы всем будут известны и никому не будут в тягость.

– Но малый город – всегда малая сила! Слабый город – лакомая добыча врагам! – возразил Гермий. – Заранее возводить слабый город, значит, предполагать его сдачу врагу.

Аристотеля трудно было заставить расплых:

– Величие полиса есть мера неопределённая, ибо, будучи слишком малым или слишком большим, он всё равно может не сохраниться. Когда древний Вавилон захватили персы и уже находились среди его кварталов три дня, часть жителей ничего об этом не знала! – От возбуждения скулы Аристотеля обострились. – А ведь Вавилон был тогда крупнейшим городом мира: в него помещалось четыре таких города, как Афины. Как лодка малого размера может затонуть при небольшой волне, так и корабль, когда он слишком большой, потеряет способность плавать вследствие своих огромных размеров, или его опрокинет большая волна.

После такого важного разговора Гермий размышлял недолго. Он передал Аристотелю и Ксенократу в управление город Ассос, позволив разработать и применить в его структуре умеренно демократическую конституцию. Друзья-философы были по-настоящему счастливы доверием. Посчитав свои физические возможности, они пригласили себе в компанию знакомых философов Эраста и Кориска, выпускников афинской Академии. Так впервые в греческом мире созда-

лась своеобразная *гетерия* – «товарищество философов», которое последовательно проводила в Троеде перераспределение властных полномочий от тирана до городского самоуправления.

И всё-таки, находясь под влиянием реформаторских идей Аристотеля, Гермий лукавил. Уступая приглашённым философам в реформах, правитель Троеды соглашался лишь на видимость демократии. Он знал, что при неудачах эксперимента члены гетерии принимали на себя все удары и возмущения населения Ассоса. А он оказывался в стороне, а вот в случае успеха лавры победителя достанутся и ему, тирану Троеды.

* * *

Формально Гермий признавал верховную власть царя Персии Артаксеркса III Оха, не вызывая у него подозрений в лояльности. Но немалое богатство, собираемое им в виде налогов и торговых пошлин, давно раздражало тайных врагов Гермия. Они следили за каждым его шагом, ожидая промахов или подозрительных для Персии действий. И однажды такое произошло.

В последнее время македонский царь Филипп затеял с Гермием слишком активную переписку, хотя и тайную. Но подозрения всё-таки появились. Царь Артаксеркс, получив донос, вызвал в Сарды своего сатрапа, якобы чтобы награ-

дить за верную службу, обещал безопасность и гостеприимство. На самом деле Гермия жестоко пытали, ожидая признания в заговоре, а потом, ничего не добившись, распяли на кресте. Умер приверженец философских реформ в страшных мучениях.

Ставленник персидского царя Ментор, коварно воспользовавшись печатью Гермия, занял без сражений все города Трояды. Устроил гонения на соратников умерщвлённого не без его помощи правителя.

Аристотелю с семьёй пришлось искать новое пристанище. Феофраст, близкий ему человек, выпускник Академии Платона, позвал его под крышу своего дома в Митиленах, на остров Лесбос. Ксенократ вернулся в Афины, где стал преподавать в Академии, которой руководил Спевсипп.

Глава 5. Прощание с Лесбосом

Сборы

Услышав от Аристотеля, что скоро им отбывать в дальнюю дорогу, жена Пифиада не знала, радоваться или огорчаться. В Митилене налажен, пусть временный, но привычный быт, организовался круг знакомых, а что ждёт в Македонии – неизвестно. Как в большинстве греческих семей, всякое дело у них обсуждалось обоюдно, но, поскольку главенство мужа было очевидным, жена почти всегда повиновалась его решению. Только на таком незыблемом веками правиле и ещё на разуме, предписывающем гречанке заботиться не только о собственном лице и теле, но и о своём характере, сохранялась гармония брачного союза. Мужчинам в таком случае предлагалось не искать в жене лишь чувственных удовольствий, а стремиться обрести в ней мать своих детей и хозяйку дома.

Пифиаде понадобилось небольшое время, чтобы пересмотреть одежду и вещи, отобрать нужные, пригодные для жизни в Македонии. Остальное пришлось оставлять. Потребовалось проследить за действиями домашних рабов, их у Аристотеля было пятеро, надёжно ли укладывают они всё по сундукам, корзинам и узлам: отдельно – дорожную утварь,

еду и посуду. После Афин за три счастливых года в Троаде и уже года на Лесбосе семейного имущества собралось столько, что впору хвататься за голову. Здесь подарки Гермия и приданое Пифиады: одежда, ткани, посуда и ковры, мебель, даже статуи... Взять с собой нельзя и жалко расставаться! Много добра Аристотель бросил, когда спешно покидал Троаду, опасаясь убийц персидского царя. Но главное и самое ценное, что неоспоримо укладывалось в дорожные корзины, – это были рукописи древних авторов, собственные сочинения, коллекции, начатые собираться ещё в Ассосе.

Итоги Митилены

С памятного дня, когда Аристотель прочитал послание Филиппа, он не сомневался, что сделал правильный выбор. Его ожидают в Пелле. Аристотель верил в свои силы, терпение и знания, был уверен, что он сможет стать хорошим наставником юному наследнику. И всё-таки душа тревожилась от сознания, что ему, свободному и независимому учёному и философу, придётся служить македонскому царю, которого афиняне ненавидели, да и у других греков с ним сложились непростые отношения. Для жителей городов, захваченных македонянами, Филипп показался тираном.

Аристотеля тяготили предчувствия, что служба у Филиппа может перечеркнуть все его планы на будущую деятельность в Афинах. Ему нельзя порывать связь с афинянами. Но если Македония сойдётся войной с Афинами, он окажется заложником тех нерадостных событий. Кто в Греции станет разбираться, чем занимался он в Македонии? Греки назовут его перебежчиком, предателем, а македоняне объявят лазутчиком. И что тогда делать ему, наставнику юного наследника македонского царя?

И всё-таки он едет в Македонию. С ним отправляется Феофраст и ещё Каллисфен, восемнадцатилетний племянник сестры Аримнестры. Он изучает историю Греции, будет полезен при дворе в должности царского *логографа* – летопис-

да исторических событий. В Пелле он будет учителем истории для Александра и его сверстников. О нём и о Феофрасте Аристотель известил Филиппа в письме со своим согласием.

Аристотелю не просто было расставаться с Лесбосом, где он прожил почти год, где успел душой прикипеть к этим дивным местам. Друг Феофраст, владевший в пригороде Митилены поместьем, не скупился на содержание семьи Аристотеля, давал деньги, если имелась надобность, скорее всего, не предполагая возврата. Феофраст знал, что его учитель и друг всегда нуждался в деньгах, поскольку даже в добровольном изгнании не отказывался от аристократических привычек: предпочитал деликатесные блюда, покупал без числа дорогие платья и драгоценности, заказывал морские прогулки, где развлекался с гетерами. Но из всех больших затрат он предпочитал приобретение ценных книг, из числа которых у него уже началась складываться неплохая библиотека.

Главным удовольствием для него на Лесбосе представлялись исследования живого мира, для чего Феофраст предоставил роскошные условия. В пристройке к дому помимо жилья в шесть комнат разместились рабочий кабинет Аристотеля и библиотека. Была организована небольшая лаборатория, в стенах которой он проводил биологическое изучение морских обитателей. В Троаде он начал рукопись с предварительным названием «История животных», на Лесбосе продолжал работать. Тёплые воды Эгейского моря вокруг острова являлись благодатным местом для обитания громад-

ного числа живых существ, а это давало богатый материал для занятий научно-исследовательской деятельностью. Учёный общался с рыбаками, когда их низко посаженные лодки с уловом приставали к берегу. Рыба, кальмары и осьминоги, морские ежи, крабы, креветки – всё это многообразие давало пищу для размышлений и догадок. Он дотошно расспрашивал тружеников моря о способах ловли, повадках и поведении рыб и морских животных во время охоты и брачных игр.

Аристотель сидел на берегу у рыбацких костров, угощался рыбным супом и слушал истории о встречах с необычными морскими животными. Самые интересные и удивительные запоминал, записывал, чтобы потом сесть в лаборатории или кабинете и обо всём этом подумать, проанализировать и сделать выводы. Его изумил рассказ седовласого рыбака о том, что самки голавля следуют за самцом, толкают его ртом под брюхо, способствуя более быстрому и обильному выходу молок. Следом мечут икру, а самцы ту икру пожирают; мальки появляются из икринок, избежавших такого «внимания» родителей. Рыбаки, зная повадки голавлей, ловят самца, живого сажают в корзину и опускают в воду; ждут самок голавля, которые собираются вокруг корзины со всего водоёма, и тут их ловят.

Аристотелю показали большеротого сома длиной почти в рост человека.

– Это самец или самка? – спросил Аристотель.

– Самец, – уверенно ответил рыбак. – Самку поймать труд-

но, так как она, отметав икру, сразу исчезает, будто лиса из курятника. А самец занимает место рядом с кладкой икры, начинает заботиться о потомстве так, как никакая другая рыба. Он охраняет кладку, отгоняя других рыб, готовых съесть икру, и в таком состоянии проводит пятьдесят дней, пока не появятся из икринок его малые детки. Сом охраняет сомят до тех пор, пока они не станут способны спастись бегством от хищников. Сом-отец всё это время не ест, только иногда, отпугивая врагов, выпрыгивает из воды с большим шумом и ртом производит громкое щёлканье. Вот тут мы его, дурака, и ловим, – закончил рыбак под общий смех.

Аристотель прервал их веселье словами:

– Но если вы поймаете сома в то самое время, когда он охраняет своих деток, вы оставляете малышей беззащитными перед хищниками. Тогда вы теряете тысячи сомов, которые не успели стать взрослыми, большими сомами. При таком подходе к естеству природы в будущем ваши уловы сильно оскудеют. Не так ли?

По задумчивым лицам рыбаков Аристотель понял, что его вопрос застал их врасплох. В другой раз рыбаки показали пойманную на крюк большую серую акулу и, пока разделяли её, рассказали захватывающую историю о её размножении. Оказывается, акула-самка не мечет икру, а откладывает особые капсулы, схожие с яйцами, в специальный мешок внутри собственного тела. Капсулы содержатся там до срока, чтобы выйти и стать маленькими акулами.

На Лесбосе Аристотель мог свободно изучать морских ежей, исследовать органы слуха у рыб, наблюдать за поведением, анатомировать рыбы тела, ставить опыты по своему разумению. Вывод, который он сделал позже в окончательной редакции своего сочинения, заключался в том, что животное царство делится на кровные существа – рыбы, земноводные, птицы и млекопитающие; и бескровные – ракообразные и моллюски, насекомые, имеющие панцири.

Аристотеля интересовал процесс размножения у животных и птиц. Обратив внимание на то обстоятельство, что четвероногие самки и самцы в период спаривания обнюхивают друг друга, он сделал вывод, что их органы размножения выделяют нечто жидкое, пахучее. Местный птицелов, услышав его слова, сказал ему:

– Так и есть, уважаемый. Самец перепёлки обязательно прилетит к клетке, где содержится перепёлка-самка, которая может оплодотвориться, достаточно поместить ее под ветер, когда пролетает самец. Самке стоит лишь вдохнуть запах самца, который он распространяет. Подобные сообщения Аристотель заносил в особую тетрадь, которую перечитывал, засиживаясь в лаборатории до глубокой ночи.

Сюда заходил Феофраст, но всегда с предосторожностями, боясь потревожить друга. Иногда Аристотель сам приглашал его, чтобы обсудить природу того или иного явления или существа. Феофраст восхищался его деловым спокойствием, готовностью к согласию с оппонентом, если видел,

что сам неправ. Изучая насекомых, Аристотель пристально рассматривал тончайшие жилки в крыльях, а что не видел, доходил до всего остротой ума, а не зрения. Ему позволялось природой познавать такое, чего не мог даже представить себе другой учёный.

Однажды Феофраст застал Аристотеля за необычным занятием. Над горящим очагом стоял котёл с водой, где вольготно плавала лягушка, спокойно перебирая лапками. Было удивительно наблюдать такое явление, потому что Аристотель безгласно относился к этим малоприятным для общения существам. Феофраст сразу подумал, что готовится суп! Заметив его в дверях, учёный спросил:

– Ты что-нибудь слышал о феномене ошпаренной лягушки?

Феофраст покачал головой.

– Тогда слушай. Оказывается, если бросить лягушку в котёл с кипящей водой, она попытается сразу выбраться или даже выпрыгнет. Но, удивительно, если её опустить в холодную воду, а затем постепенно нагревать, то сначала она почему-то не проявляет беспокойства. До определённой поры! А пока будет наслаждаться жизнью и останется плавать, пока вода не покажется ей слишком горячей. Только затем начнёт, вероятно, думать, что же происходит и что ей делать дальше.

Аристотель оторвал взгляд от лягушки и посмотрел на Феофраста.

– Тебе не показалось удивительным, – спросил он, – что

лягушка не пытается спастись бегством, пока вода ощущается ею прохладной? А когда вода становится непереносимо горячей, лягушка оказывается неспособной, чтобы выбраться из неприятной ситуации, спасти свою жизнь. Она проявляет слабоволие, у неё нет сил, потому что не догадается о грядущей опасности. И вот что я называю феноменом ошпаренной лягушки: пока лягушке ничто не мешает, она остаётся в котле и будет сварена заживо.

Феофраст пожал плечами, но не удержался от вопроса:

– Как думаешь, Аристо, почему с лягушкой происходит всё именно таким образом? Наверно, из-за того, что её жизненный опыт не имел подобных испытаний. Вот почему она не знает, что делать в такой ситуации.

– Ты почти прав, мой друг! – Аристотель обрадовался размышления Феофраста. – Именно так настроены механизмы восприятия угрозы у нашей лягушки – на внезапное изменение, а не на медленные, постепенные перемены температуры воды в котле, как в нашем случае.

Показывая свой простой опыт, Аристотель искренне радовался, словно открыл нечто невероятное. Он жил ради таких мгновений, когда находил верный путь, когда ему открывались решения, показывалась истина. Продолжая находиться в приподнятом настроении, учёный зашагал по комнате кругами, делаясь с другом своими планами:

– Я хочу овладеть всеми знаниями о природе, открыть новые законы жизни. Ведь в каждом произведении природы

найдётся для меня нечто, достойное удивления. Хочу узнать правду о жизни всех существ, которых она вмещает в себе. Хочу обнаружить в них внутреннюю связь в противоположность внешней, классифицировать по признакам приближения к человеку.

– Пожалей себя, Аристо. – Феофраст улыбнулся. – Для чего тебе это всё нужно?

– Для того, чтобы обо всём рассказать людям, чтобы они правильно себя вели по отношению к природе и её обитателям.

В этом был весь Аристотель, нетерпеливый и неуёмный в исследованиях и выводах.

Глава 6. Македония

Неожиданный диспут

Плавание от Лесбоса до Македонии заняло вдвое больше времени, чем предполагалось, – двадцать дней. Причиной оказалась непогода, разыгравшаяся на море в пору, когда ей не следовало быть. Обычно навигация для всех видов судов заканчивается поздней осенью, когда ветры меняют направление и, становясь непредсказуемыми, поднимают крутую волну. Аристотель с семьёй и друзьями отбыли с Лесбоса в середине лета, в пору, самую благодатную для морского путешествия. Мореплавание по изумрудной глади тогда становится похожим на приятную прогулку.

Пожилой рулевой корабля – *куберней*, – его звали Меланф, – был родом из Афин, поэтому знал Аристотеля не понаслышке. Перевозка торговых грузов была его обычным занятием, на этот раз ему пришлось взять на борт десяток пассажиров с громоздкими домашними вещами. Людей разместили в тесном трюмном отсеке, домашнюю утварь – на палубном пространстве, увязав тюки, закрепив их верёвками к решетчатым бортам. Как и многие греческие суда, корабль имел в длину двадцать пять метров и двенадцать – в ширину; ходил под парусом белого цвета, мачта из ливан-

ского кедра ставилась в середине. Ходовые весла использовались в штиль и для маневров в гавани, а на курсе судно удерживалось при помощи рулевого весла. Корпус имел привычный чёрный цвет, за исключением украшения на корме и форштевня зелёного цвета, а внутренней стороны фальшборта – красного.

Когда неожиданно занепогодило, Меланф, не желая рисковать, вел судно вдоль берега в прямой видимости, часто приставал к берегу, пряча корабль в укромные бухты в ожидании благоприятных условий для дальнейшего продвижения. Аристотель с интересом следил за его действиями, отмечая умелое распоряжение подчинёнными людьми, выверенными и, главное, уверенными командами – всем тем, что позволяет пассажирам не беспокоиться за исход плавания. Заметив проявление к себе внимания, Меланф разговорился с философом:

– У Посейдона несварение желудка, поэтому его пучит, вызывая ветры, которые нагоняют высокую волну. Иначе как объяснить настолько скверную погоду?

– Я думаю, уважаемый Меланф, у нашего Посейдона есть более весомые причины, чтобы творить нам такие неудобства, – поддержал разговор Аристотель. – Я даже уверен, что причина сокрыта в атмосферных явлениях.

Куберней поднял голову, изучая небо.

– Согласен, – отозвался он. – Всё дело во времени года, а оно, судя по всему, повернулось к Арктуру – самому могу-

щественному божеству из созвездия Волопаса. Это враждебная человеку сила, приносящие сильные бури. Сейчас благодаря лету резкость ветров умиряется, и кораблям нечего опасаться помимо подводных скал и скрытых мелей в бухтах. Но с похолоданием в месяце Боидромионе* выход в море грозит большими опасностями.

Аристотель заинтересованно спросил:

– Получается, что наши нынешние неприятности можно характеризовать как предпосылки для прихода власти Арктура?

– Да, это так. Но ураганы появляются на море с конца осени, а позже, когда в месяце Пианепсион* на небе показывается дождливое созвездие Козерога, тогда уже точно, для кораблей владения Посейдона окончательно закрываются. Дни становятся короткие, ночи длинные, на небе всё время крутятся тучи, а сила ветра, удвоенная дождем или снегом, такова, что не только прогоняет всякий флот с моря, но даже валит с ног тех, кто путешествует посуху. И так до самой середины месяца Фаргилион*, когда самые смелые мореходы осмеливаются выходить в море с осторожностью, и то, если на это есть большая нужда или на плавание толкает чрезмерная выгода.

Меланф ухмыльнулся, шевеля поредевшими усами, и замолк, переключив своё внимание на действия команды корабля. Моряки в этот момент подтягивали верёвки, придерживающие большой квадратный парус.

Томившийся под палубой Феофраст, вышел наверх. Увидев Аристотеля, занятого беседой с кубернеем, подошёл. Поныв, о чём идёт речь, спросил моряка:

– Скажи, друг, какие есть особые приметы в природе, показывающие на приближение непогоды?

– Господин хороший правильно поступает, что спрашивает об этом у меня. Нет человека, который лучше, чем я, знает море. Ведь от бурь и волн корабли гибнут чаще и в большем числе, чем гибнут с обеих сторон воины в сражениях. Вот почему тем, кто плавает на кораблях, следует вести наблюдения за природой.

– Тогда поделись знаниями, дорогой друг, в долгу не останемся, – воскликнул Аристотель, переглянувшись с Феофрастом, – за нами кувшин* вина!

Меланф не стал отказываться, хрипло откашлялся и начал:

– Существуют приметы, предвещающие бури в тихую погоду и во время бури указывающие наступление спокойной погоды. Достаточно посмотреть на луну: если она краснеет, ожидай ветер, если покрывается голубизной – будет дождь. Но как только я замечаю грязный цвет на лице Селены, всегда готовлюсь к сильному шторму.

Моряку пришлось по душе общение с образованными греками. В дополнение его ожидал обещанный кувшин вина. Он с увлечением рассказывал, как ясная луна предсказывает хорошую погоду – особенно, если это будет четвертый день

со дня её восхода и если рога не заострены, и она не имеет красноватого оттенка, и свет её от испарений не является мутным.

Неожиданно куберней обратил внимание на какой-то непорядок в корабельной команде, перестал излагать свои мысли. Отошёл, затем вернулся и продолжил разговор о погоде:

– Я по солнцу могу узнать, что ожидает меня на море в ближайшее время – по тому, как восходит солнце или как оно клонится к вечеру. Сияет ли солнце обычным блеском или его диск становится огненно-красный, что является предвестником сильного ветра. А если на солнце видны пятна, это предсказывает близкий дождь. И воздух, и само море, величина и форма облаков и прочие приметы дают указания опытным морякам, чего им ожидать от погоды. Некоторые указания дают птицы, некоторые – рыбы. Всё нужно моряку примечать, если он хочет быть успешным на море, дожить до благополучной старости.

Меланф замолчал, взглядываясь вдаль, припоминая, наверно, свои переживания на море. Решив не отвлекаться от своего дела, моряк поспешил закончить разговор:

– Ошибается тот, кто думает о море как о стихии. Море – живое создание, оно ровно дышит и движется в течение дня и ночи. Оно всё время находится в некоем стремительном течении, которое моряки называют *реума*. Море движется вперед и назад, то заливают берега, то уходит в глубину, созда-

вая меняющиеся течения. Будучи попутным, море помогает плаванию кораблей, при противном течении задерживает их ход. Опытный куберней знает морские течения, чтобы, оседлав их, легко преодолевать большие расстояния.

* * *

Разговор с кубернеем настроил философов на преднамеренный диспут. Начал Аристотель:

– Друг мой Феофраст, как думаешь, море даёт человеку больше пропитания, чем суша, земля?

– Я не сомневаюсь, Аристо, в изобилии земной природы. Она обладает всем необходимым, чтобы удовлетворить не только собственные нужды, но и потребности в пище для человека. Ведь помимо естественных гор и лесов как общего пристанища всякого зверя и дичи есть возделанные человеком поля и сады. Разве сравнимо изобилие суши с тем, что может доставлять водные пространства – моря и реки с озёрами? А вкус мяса или дичи, разве сравним с рыбой?

Аристотель сдержано улыбнулся.

– Попробую переубедить тебя, Феофраст. Во-первых, рыбное блюдо преимущественнее по качеству любого другого, мясного или овощного. Существуют племена *ихтиофагов*, *рыбоедов*, которые, кроме ловли рыбы, ничем другим не занимаются, в отличие от *опсофагов* или *филопсов*, кто ест говядину, поедают только рыбу.

– Аристо, ты неправ, если приводишь в качестве доказательства пример из жизни малочисленного племени рыбодов. Они вынуждены так питаться, потому что другой пищи у них нет, а для земледелия их почвы неблагоприятные.

– Не от этого ли в продаже морская провизия ценится выше всякой другой? Иная рыба стоит больше, чем бык, а горшок особого рыбного засола обходится ещё дороже.

Аристотель выжидательно посмотрел на друга. Тот не замедлил с ответом:

– А что ты скажешь, когда к твоей рыбе не подадут любимые тобой травы – лук, петрушку, сельдерей? Как обойдёшься без них? Даже лошадей перед состязаниями кормят сельдереем, чтобы силы сохраняли подолгу и бег был быстрый.

– Поймал ты меня, Феофраст, на мелочи. Но ты не упоминаешь морскую капусту, которая гораздо полезнее для здоровья, чем любая земная растительность. И ещё напомним о главной приправе ко всем блюдам, без которой ты не ощутишь приятность, что по преимуществу поддерживает аппетит. – Аристотель сморщил в язвительной улыбке рот. – Ты не можешь мне ответить, Феофраст, как называется то чудо, без чего позволительно говорить, что никакая пища несъедобна? Её примесь улащает и хлеб!

Феофраст развел руками, словно признавал поражение.

– Аристо, мой ответ – соль!

– Правильно, извлечённая из морской воды соль. Как сильнее всего притягивает человека к жизни надежда, и как

без её сладости жить было бы невыносимо, так надо указать на соль. Она возбудитель влечения к пище, без которого всякое блюдо сказывается неприятной и тягостной.

Легкая улыбка скользнула по бледному лицу Аристотеля; он продолжал убеждать:

– Как все краски нуждаются в свете, так и все воздействующие на вкус соки нуждаются в соли. Она нужна человеку и зверю, чтобы возбудить соответствующее ощущение, а без неё остаются неприятными и даже тошнотворными. По этой причине и закусывают перед другой едой чем-нибудь острым или маринованным, вообще таким, что заготовлено с солью: это как бы зачаровывает аппетит, и, возбужденный такой приманкой, он со свежей силой обращается и к прочим блюдам.

Феофраст не удержался от соблазна опередить Аристотеля:

– Ладно, я добавлю к твоему славословию в честь соли, что она не только придаёт приятный вкус еде, но и на тело действует как лекарство. – Феофраст приобнял за плечи Аристотеля.

– Убедил, Аристо, твоя взяла. Согласен, что продукты моря не только съедобны и вкусны, но ещё обладают качествами хорошего мяса, не так обременяют желудок, легко перевариваются и усваиваются. Не от того ли врачи часто назначают больным рыбное питание как самое легкое?

– Я воспринимаю твои слова, мой друг, не как твоё пора-

жение, но как мою победу, – отшутился Аристотель. – По этой причине позволь мне сделать вывод: если море посылает к нам самый тонкий и самый чистый воздух и если оно вскармливает существа более здоровые и более законченные, тогда я могу сделать вывод: самое желательное для человека питание происходит из моря.

Встреча с дельфинами

Вскоре повелители неба и морей разобрались между собой, и погода наладилась. Плавание корабля продолжилось, и дальше никакие природные проявления больше не беспокоили путешественников. Прошли Эгейское море вблизи материка, через Фракийское море попали в Фермейский залив, откуда до границы с Македонией плавания оставалось несколько дней. От устья реки Лудий, конечной точки морского пути, дальше предстоял сухопутный переход до столицы Пеллы.

На пути корабля неожиданно объявилась группа резвящихся дельфинов. Для пассажиров захватывающее зрелище! Животные грациозно плыли в толще воды, состязаясь с кораблём, не скрывая своих намерений – опережали ход или вдруг разом ныряли под него, чтобы всем вместе выпрыгнуть далеко впереди. Будто следуя негласной команде, дельфины дружно разбегались в стороны, организованно маневрировали, перестраивались парами. Животные бесстрашно пересекали курс корабля, опасно приближаясь и так же бесстрашно отдаляясь от него. Удивительные морские существа, похожие на стрелы, выпущенные из боевого лука, одновременно выпрыгивали из воды, показывая людям тёмные тела, покрытые водными жемчугами, переворачивались в воздухе и ныряли вниз головами.

Аристотель с другими пассажирами с интересом наблюдал за игрой дельфинов, но она не показалась ему легкомысленной. Ему показалось, что дружелюбные животные, радуясь собственной ловкости, желают получить одобрение людей, хитро посматривая на них маслинными глазками. Заметив, что Феофраст тоже с интересом наблюдает за происходящим, спросил:

– Как думаешь, друг мой, отчего резвятся эти существа? Я не думаю, что они устроили спектакль ради нас, чтобы мы порадовались за них, словно заезжие актёры в театре. Думаю, что хорошее настроение у них вызвано удачной охотой на кефаль. Обычное дело! Совсем недавно я видел, как они жировали, окружив большую стаю; вода кипела, будто в котле над костром.

– Трудно не согласиться с тобой, Аристо, когда ты заявляешь, что наши дельфины так ведут себя, поскольку они только что полакомились жирной кефалью, – откликнулся Феофраст. – Но я предлагаю тебе посмотреть на их поведение иначе. А что, если дельфины рады видеть людей и так показывают своё отношение к нам? Они словно говорят: «Не оставляйте нас вниманием!»

– Но если допустить, что дельфины таким образом реагируют на корабль и наше присутствие, тогда, выходит, дельфины разумны?

– Думаю, так и есть. Мы слышаны о разных историях, когда дельфин дружит с человеком. Ты помнишь, Аристо,

сказание об Арионе? Матросы корабля, на котором он плыл с товаром, хотели ограбить его и убить; он прыгнул в море, а дельфин подхватил его и донёс на спине до коринфского берега.

– Ты легковверен, друг мой, – с ухмылкой произнёс Аристотель.

– Я верю фактам. – Феофраст пожал плечами. – В Коринфе мне показали место, куда дельфин доставил Ариона. А в местном храме Посейдона видел бронзовую статуэтку, изображающую человека, сидящего на дельфине. Жрецы утверждали, что она дар Ариона в знак своего спасения на море.

Аристотель промолчал, а Феофраст не сдавался:

– Ты знаешь лучше меня, Аристо, что легенды не рождаются на пустом месте. В основе каждой такой легенды обязательно сокрыта правдивая история. Учёному следует не отмахиваться от неё, а докопаться до корня. Лично я верю в дружбу дельфинов и людей.

Аристотель сдаваться не собирался:

– Я не буду ставить под сомнение твои впечатления от бесед с коринфскими жрецами, но спасение Ариона представляется мне как единичный случай, а не как система поведения всех дельфинов.

Феофраст упорствовал:

– Я приведу другую историю. В Милете один человек по имени Койранос увидел, что к рыбакам в сеть попал дельфин, которого собирались убить. Он не позволил им это сде-

лать, купил дельфина и отпустил в море. Через некоторое время Койранос плыл на корабле, который наскочил на подводную скалу далеко от берега. Корабль затонул, все погибли, кроме Койраноса. По его словам, хотя он не умел плавать, его спас тот самый дельфин! Когда в преклонном возрасте Койранос умер, его тело, согласно обряду, положили на погребальный костёр, разложенный на берегу моря. И в этот момент в бухте появилась стая дельфинов; они приблизились к берегу и смотрели на костёр, словно хотели привлечь внимание умершего. По их поведению люди поняли, что дельфины тоже оплакивали Койраноса.

На палубе появился Каллимах, подошёл и, прислушавшись к разговору, поддержал Феофраста:

– Я слышал о дельфинах, которые катали на спинах детей рыбаков, когда те купались, или спасали тонущих в море. Но это были рыбаки, которые никогда не убивали дельфинов, а когда дельфины нечаянно попадались, отпускали, прощая им повреждения сетей.

Аристотель решил закончить спор, как всегда, победителем:

– Ваши истории, друзья мои, ласкают слух своей занятностью. Но они всего лишь доказывают, что люди склонны к объяснению поступков этих, без сомнения, смыслённых животных человеческими мотивами, в то время как для них существует другое объяснение. Поэтому в их поведении я вижу обычный родительский инстинкт: в тонущем человеке дель-

фин видел заболевшего сородича и решил, что ему нужна помощь.

Аристотель продолжил рассказ о дельфинах сведениями, полученными от лесбосских рыбаков. Он был уверен, что дельфин не рыба, а животное без жабр и спинного хребта, как у рыб, но есть особые кости, легкие и дыхательное горло. Удивительно, но у дельфинов не видно ушей, а они прекрасно слышат звуки в воде. Животные издают писк, когда их вытаскивают из воды, будто протестуют, а в воде голос дельфина похож на человеческий стон. Детеныши кормятся материнским молоком, растут быстро, но остаются с матерью достаточно долго. Услышав от Аристотеля, что дельфины живут до тридцати лет, Каллисфен удивился:

– Кто может знать, как долго живут дельфины?

– Всё элементарно! Рыбаки иногда развлекаются, делая отметины на хвостах пойманных дельфинов, и отпускают в море. Когда такой дельфин снова попадается рыбакам, они определяют возраст животного.

Разговор о дельфинах вскоре иссяк, и дальше путешественники наблюдали за ними, не произнеся ни слова. Каждый думал о том, что они оставили на Лесбосе и что их ожидает в Пелле.

Дельфины сопровождали корабль ещё некоторое время, а когда показалась гавань Метоны, конечный пункт плавания из Лесбоса, они исчезли, так же внезапно, как и появились.

Пелла

За Метоной, где усталые воды Лудия попадали в цепкие объятия морского прибоя, для Аристотеля закончилась первая часть его путешествия. Мужчины пересели в двуконные коляски с высокими колёсами, *арме*, нанятые у содержателя придорожной гостиницы вместе с возницами. Женщины следовали в *дзигоне* – удобной для дальней дороги повозке. Груз и дорожную поклажу в сопровождении слуг везли небольшим караваном мулов и ослов. Дальнейший путь проходил в живописной долине вдоль реки без затруднений и происшествий.

У самой Пеллы дорога вошла в лес, преимущественно состоящий из огромных пиний*. Колеса повозок с тихим шорохом утаптывали прошлогоднюю хвойную подушку, отчего в воздухе витал крепчайший смолистый аромат.

Пожилой македонянин, встретивший в Метоно Аристотеля, как велел Филипп, сопровождал его коляску на рослом вороном коне. Чтобы скрасить дорогу, он время от времени сближался, чтобы поделиться очередной историей. От него Аристотель узнал, что раньше резиденция македонских царей находилась в Эги, царь Архелай перенёс её в отстроенную им Пеллу, теперь неприступную крепость. На возведение зданий и сооружений новой столицы ушло много камня, выломанного из скал, и строительного леса. На склонах

здешних гор раньше возвышались огромные массивы дуба, но и через сто лет повсюду видны рваные раны, нанесённые лесорубами.

Аристотель услышал, как строилась Пелла. Сначала возвели каменную крепость, задняя сторона которой подошла вплотную к никогда не пересыхавшему болоту. Отсюда можно было не ожидать врагов – ни конного, ни пешего, ни летом, ни зимой. В крепости возвели дворцовые здания, а от крепости на юг уже развивался сам город, который немного позднее тоже обзавёлся собственными оборонительными стенами.

При въезде в город из глубокого рва резко пахло затхлой водой. В крепость попали по опускаемому мосту, охраняемому царскими гвардейцами.

Аристотель мысленно готовился к встрече с городом своего детства, но то, что он увидел, произвело на него сильное впечатление. Его поразили широкие улицы, пересекающиеся под прямым углом, вдоль которых выстроились в ряд каменные дома в один-два этажа с черепичными крышами. Встречались дома, сложенные из брёвен, укрытые тростниковыми матами, но таковых было мало. Когда Аристотель жил в Афинах, к нему доходили слухи о красоте и грандиозности македонской столицы, мечтавшей поспорить с Фивами или даже с самими Афинами. Но то, что он увидел, заставило его не только удивляться, но и восхищаться.

Все здания имели изысканную отделку главных фасадов,

а ведь именно такое проявление роскоши у греков считалось неприемлемым. Но так обозначился свой, «македонский стиль», в архитектуре. Вместо афинской городской тесноты, что, собственно, встречалось почти в каждом греческом полисе, улицы выделялись просторами. В этом Аристотель узнал непревзойдённый «Гипподамов стиль», предлагаемый Платоном для своего идеального государства. Аристотель усмехнулся – как философ Гипподам не состоялся, но планировку полиса задумал великолепную, в конечном итоге, идеальную. Молодцы – македонские цари, переняли замечательную идею!

Гипподам, зодчий из Милета, однажды в творческом запале задумал проект городской застройки, поставив наперёд удобства для проживания в нём жителей. Он предложил правителям греческих полисов перестроить свои города согласно абсолютно новому решению, схожему с великим изобретением. Это планировка с пересекающимися под прямым углом улицами, выделявшая равные прямоугольные кварталы, где каждый состоял из десяти дворов. Получилось идеальное «равноправие застройки», при которой все граждане в жилых кварталах получали в собственность одинаковые по размерам земельные участки. Соседствующие участки разделялись пополам проходом, в котором укладывались керамические детали с перекрытиями из плит – для бытовой канализации. Улицы ориентировались по сторонам света. Площади, отводимые под общественные здания и рынки, стано-

вились кратными стандартным размерам квартала, а к главной улице примыкала городская площадь с общественными зданиями и рынком – *агора*. Театр и стадион вместимостью до сорока тысяч зрителей строились на окраине или за пределами города.

Гипподам условно разделил проект на три части: первая предназначалась для строительства жилья и работы ремесленников, вторая – для земледельцев с их хозяйственными постройками и скотом, третья отдавалась для проживания воинов городского ополчения в казармах. Обитатели каждой такой части платили установленные налоги в отдельные казенные хранилища. Предполагалось, что и законы в таком городе должны были устанавливаться отдельные, возникающие по роду деятельности граждан в каждой части города. Но это была уже утопия! В новой столице Македонии всей этой философской атрибутики не было, но всё равно царская Пелла оказалась достойна восхищения жителей Эллады.

Глава 7. Во дворце

Филипп

Прибывших греков разместили в дворцовых помещениях, а вечером к Аристотелю явился царский слуга с сообщением, что Филипп приглашает его завтра к полудню. Будет время посетить баню, где его ожидает *алейпт* – специалист по массажу.

На другой день за Аристотелем явился эконом Хейрисофос, дворцовый управляющий. Провёл в царский кабинет, деловито поясняя по пути назначения тех или иных служебных помещений.

Философ увидел царя, как себе и представлял: широкая кость, лицо обветренное, мужественное, внимательный взгляд слегка выпуклых глаз, низкие густые брови. Филипп сидел за столом в кресле с высокой спинкой, лицом к двери. На рабочем столе перед ним лежали свёртки папирусных листов. Аристотель заметил мебель, удивившую его неброским оформлением: низкая кушетка на ножках в виде львиных лап, на ней белое покрывало из овечьих шкур, два широких кресла с подлокотниками и сиденьем из переплетённых кожаных ремней, в углу стоял потёртый сундук с потемневшей перламутровой инкрустацией. В стенной нише на пол-

ках горка пожелтевших папирусных свитков.

В ожидании знаменитого афинского преподавателя Филипп предполагал увидеть скромного на вид человечка, Аристотель же выглядел броско, одет вызывающе: царя неприятно резанул красный цвет *гиматия*, допустимый разве что в праздничной одежде властителей, а чёрная кайма по краю ткани говорила о моде. На груди он носил золотую цепь внушительного размера, последнее звено касалось живота. На его левой руке царь опознал серебряный *сфрагис*, печатку, с крупным аметистом. От гостя исходил резкий запах цветочных эссенций – ничего удивительного, если иметь в виду, что Аристотель был греком. Для эллина это считалось нормой. Но Филипп не разделял увлечения мужчинами косметикой, считая его проявлением женственности, и по такому поводу язвительно говорил: «Чтоб нравиться женщинам, мужчине достаточно пахнуть кровью врагов». Аристотель же пристрастился употреблять косметические средства в Троаде, где благодаря близости к Азии они обыденно предполагали принадлежность к аристократическим кругам. К тому же он как учёный производил исследования в восточной косметологии, экспериментировал во благо науки и некоторые благовонные смеси для себя составлял сам.

Филипп не был в восторге и от черт лица Аристотеля: некрупный рот, сжатые, словно в недовольной гримасе, сухие губы, нос удлинённой формы и настороженный взгляд глубоко посаженных глаз; волосы тёмно-бронзового оттен-

ка, прихваченные сединой, словно утренней изморозью. Сетка морщин над рыжеватыми бровями дополняла первое, не очень благоприятное, впечатление.

Аристотель от двери ещё сдержанно поздоровался:

– Хайре!

– Хайре, Аристо!

Озадаченный приёмом, Аристотель не знал, как вести себя дальше – подобное сокращение имени допускалось только близкими людьми.

– Аристо, – повторил Филипп, – ты удивлён, что я называю тебя, как в детстве?

Теперь всё стало на место. Аристотель до приезда в Македонию вспоминал свои детские годы в Пелле, где у них с маленьким Филиппом были общие игры. И хотя царевич был года на три младше него, они оба с упоением скакали по двору на палочках, изображая всадников, сражались на деревянных мечах, бегали взапуски. И вот встреча через столько лет!

Филипп не отпускал Аристотеля, будто боялся расстаться с воспоминаниями.

– Аристо, ты почти не изменился с тех пор. Только подрос. – Он засмеялся и показал на свой левый глаз. – А я стал похож на Полифема*.

Аристотель сразу не заметил, что глаз смотрелся неестественным, но был очень похож на настоящий.

– Наслышан о том несчастье, что постигло тебя, царь, и сильно огорчён. – Хотя люди говорят, что воина украшают

рубцы от ран. Как это произошло?

– При осаде Метоны.

Аристотель лукавил, когда спрашивал, где потерял свой глаз царь. Он узнал подробности по дороге в Пеллу от сопровождающего македонянина...

Ко времени осады Метоны (355 г. до н. э.) войска Филиппа захватили на побережье Македонии и Халкидики все греческие города, кто был связан с Афинами военным союзом. Оставалась одна Метона, которая в случае поражения отдавала Македонии контроль над всей береговой линией и тем самым над дорогой в Фессалию. Афинское народное собрание проголосовало за военную помощь Метоне, но отправка экспедиционного войска к месту событий всё время затягивалась по срокам. Сказывалось влияние промакедонской политической группировки среди афинских лидеров. Воспользовавшись ситуацией и занятостью Афин в войнах на Пеллопоннесе, Филипп привёл своих воинов к стенам незащищенного города.

Поначалу он потребовал у жителей Метоны сдать город и, получив отказ, начал осаду с применением таранов. Жители Метоны, не оставляя надежд на подкрепления из Афин, сопротивлялись стойко, отражая попытки македонян овладеть городом с помощью приставных лестниц. Филипп безрезультатно посылал на стены отряды, которых встречал убийственный ливень из камней, копий и стрел защитников. Осознав критичность ситуации и чтобы не допустить паники,

царь возглавил очередной штурм. Среди рядовых воинов он был узнаваемым, выделялся яркими дорогими доспехами, отчего ранение стрелой в голову не явилось случайностью. Жизнь Филиппа оказалась в опасности, и только благодаря врачу Критобулу он был спасён от смерти. Увы, один глаз не видел, но благодаря тому же Клеобулу выглядел так, что нужно всматриваться, чтобы это заметить.

– Я оставался неуязвимым для вражеского оружия благодаря шкурке убитой мной крысы, – неожиданно сказал Филипп. – Крыса ловко избегает опасности, и человек, носивший при себе её шкурку, неуязвим. Но в тот день я о ней не вспомнил, – и вот результат!

Он вздохнул, переживая неприятные воспоминания.

– Хорошо ещё, что стрела была на излёте. Остался жив.

– На все воля Зевса! – сдержанно произнёс Аристотель. – Часто такое происходит от случайности. А я знаю историю, когда человек сам себя ослепил.

– Неужели такое возможно? Ты назовёшь имя чудака?

– Он философ, имя Демокрит из Абдер, который однажды заявил, что мир вокруг погряз в мерзости. А если люди не замечают их, это означает, что зрение мешает им видеть те мерзости. Тогда, лишившись зрения, можно обратить свой взор в глубь себя и, обострив остроту ума, добраться до сути, причин мерзости. Демокрит решил доказать это собственным примером: в полдень поставил перед собой отшлифованный до зеркального отражения бронзовый щит, поймал

отражение солнца и стал пристально смотреть на него до тех пор, пока не ослеп.

– И что твой философ? Обнаружил, чего искал?

– Думаю, да. Когда его спрашивали об этом, он отвечал: «Я не различаю красок жизни, а вместо того ощущаю блаженство, мне открывается дорога в бесконечность и ни единого препятствия на ней».

Филипп пожал плечами и, указав кресло, вернулся к столу.

– Мне бы его заботы! Ладно, поговорим о нашем деле, зачем ты мне понадобился? – Царь испытывающим взглядом посмотрел на Аристотеля. – Мой сын Александр, когда вырастет, станет царём македонян. Надеюсь, что это случится не скоро, и всё же я обязан позаботиться о воспитании наследника. Он будет служить своему народу и Македонии, а Греция пусть узнает его *филэллином*, другом эллинов. А чтобы так случилось, Александру следует познать эллинскую культуру. Вот для чего ты здесь.

Филипп смотрел в глаза Аристотелю, словно хотел заглянуть в самую душу.

– Ты согласен? – спросил он сдержанно.

Аристотель догадывался, о чём будет у него первый разговор с царём, поэтому думал, как ответить, недолго:

– Царь, я уже в Македонии, что означает о моей готовности послужить твоим интересам. Но прежде позволь узнать от тебя, в чём ты видишь моё усердие.

– Обучай Александра всем наукам, открытым твоей мудрости. В этом смысле будь с ним предельно строг. Никакого снисхождения за леность или безразличие. В его начальном воспитании я допускал наказание розгами. Занятия будешь проводить во дворце, для вас выделена комната. А я буду наблюдать.

Царь несильно ударил изогнутым оболом* по *гонгу*, бронзовой тарелке, висевшей на стене. Появился слуга.

– Зови Александра, – сказал ему Филипп.

Обернувшись к Аристотелю, выразительно поднял брови и приоткрыл желтеющие крупные зубы подобием улыбка:

– Сейчас увидишь моего сына.

Наследник

Пока разыскивали Александра – он был на дворцовой половине матери, – Филипп рассказывал о нём, и в его словах скрывалось огорчение:

– Александру исполнилось двенадцать лет – уже не ребёнок, но и не эфеб. Удобный момент, вытравить дурные привычки, которые успел накопить под влиянием взбалмошной матери, и наставить его на путь, достойный царей.

В голосе Филиппа зазвучала доверительность.

– Аристо, я вижу, что Александр тянется ко мне, глаза его горят, когда он слушает меня. Но после перерыва в общении, когда я отбываю из Пеллы, его опять не узнать, он становится жеребёнком с необузданным норовом.

Со слов царя, Аристотель узнал о детских годах Александра. Малыш любил кататься на качелях, осознавая, что это забава для девчонок. Ловко скакал на одной ноге – подалее и быстрее, опережая товарищей по играм. Предлагал сверстникам состязаться в перетягивании верёвки, в свою команду набирал товарищей, кто сильнее и старше. Любил испытывать себя на устойчивость, предлагая другим столкнуть его с места, и это испытание получалось у него лучше остальных.

Подростком ловко бросал камни в цель, небольшим копьём попадал в бегущую ящерицу. С малых лет и сразу на-

учился плавать, любил устраивать состязания со сверстниками на речке или озере – кто быстрее или кто дольше продержится под водой. Обсыхая с товарищами по играм на берегу водоёма, бросал плоские камешки о воду так, что они отскакивали неоднократно от поверхности. При этом часто выигрывал и громко радовался победе, горделиво поглядывая на проигравших. В таких случаях ему нравилось унижать товарищей за проигрыш. А если случалось ему самому проигрывать, тогда сильно переживал, кричал или даже плакал, обвиняя в нечестности всех, кто оказывался ловчее.

– Отличное качество для будущего царя – стремиться быть лучше других, – оценил рассказа царя Аристотель.

– Ты угадал, Аристо. Моему сыну нравятся игры в «царя». Он сам их придумывает. Представь, зовёт сверстников – все из семей придворной знати – и предлагает выбрать царя. Настаивает, чтобы выбрали его, а если так не случается, злится и отказывается от участия в игре. И знаешь, что он говорил? – Филипп широко улыбнулся. – Мой отец – ваш царь, а я его наследник. Поэтому вы все должны мне подчиняться, а я – никому из вас не буду подчиняться.

Лицо Аристотеля стало озабоченным.

– Я так понимаю, у Александра нет близких друзей?

– Ты не ошибся. Во-первых, каждый македонянин с детства не приучен подчиняться кому бы то ни было. По этой причине дети неохотно играют в такие игры, где не они первые. Но у моего сына хорошо получалась игра в судей. В ней

охотно принимали участие все дети, находились желающие быть судьями, свидетелями защиты и обвинения. Некоторые даже соглашались на роль палача – надо же было кому-то исполнять «смертный приговор», когда судьи его выносили для обвиняемых. Александр назначал себя главным судьёй, всегда с удовольствием рассматривал жалобы, назначал наказания, среди которых более всего приговаривал к конфискации имущества. Самое трудное для такой игры было найти желающих на роль обвиняемых.

Филипп сощурился и со смехом произнёс:

– Александр не знал, что, когда его товарищи отказывались играть с ним, я подговаривал соглашаться своих слуг. Потом мне приходилось делать им подарки как «пострадавшим от правосудия».

Аристотель узнал о том, что в последнее время наследник часто проявляет раздражительность, порой безрассудство. С товарищами невоздержан, бросается на обидчика с кулаками, не задумываясь, справится с ним или получит отпор. Пропуская удары, бесстрашно продолжал стычку, даже если нос ему разбивали в кровь. Никогда не плакал, получая ссадины и ушибы, и всегда обижался на взрослых, если они называли его ребенком.

– Меня вот что удивляет, – задумчиво произнёс царь. – Александр, когда товарищи предлагают ему по-настоящему состязаться в силе и ловкости, отказывается. Мне он объяснил, что согласится на это только с царями, чтобы их побеж-

дать.

Аристотель слушал, изредка поднимая рыжеватые брови и поглаживая бороду, что говорило о предельной сосредоточенности.

– Я так понимаю, что Александр не имеет друзей? – уловив момент, спросил он.

– Меня беспокоит эта черта его характера. – Филипп развёл руками. – Каждый мужчина должен иметь друзей, которые поддержат в трудный момент. А друзья детства – великая сила, тем более для царя. Я обязал родовитые семьи прислать в Пеллу сверстников Александра, чтобы они росли вместе, участвовали в играх и получали образование рядом с ним. Когда дети станут взрослыми, некоторые из них станут его близкими друзьями и помощниками.

Разговор прервал подросток со светлыми волосами, невысокого роста, крепыш. Вошёл стремительно, будто вихрь ворвался в кабинет. По возбуждённому виду было заметно, что ему не терпится познакомиться с человеком, о котором давно говорили во дворце. Увидев Аристотеля, замер, разглядывая пристально и не отводя глаз.

Он ожидал встретить пожилого грека со скучным лицом и взлохмаченной бородой, какая, ему представлялось, имелась у всех философов. На Александра внимательно смотрели серые колючие глаза, будущий его наставник имел ухоженные усы, на голове – зачесанные вперед негустые рыжеватые волосы.

– Александр, познакомься с Аристотелем. – произнёс Филипп голосом, не допускавшим возражений, и подтолкнул сына к Аристотелю. – Он теперь твой наставник, если хочешь, второй отец. Учись прилежно, слушай его советы, исполняй распоряжения и в отношении учёбы не допускай неудовольствия с моей стороны.

Царевич согласно закивал головой.

– Ну, здравствуй, Александр. – Аристотель с улыбкой протянул руки навстречу. Я уверен, что мы с тобой найдём общий язык.

Он легонько притянул его за плечи и поцеловал в голову. У Александра в груди потеплело. Неожиданно у него повлажнели глаза, и чтобы не выдать свои чувства, он опустил голову. Отец сделал вид, что ничего не заметил.

– Александр, ты говорил товарищам, что будешь великим полководцем, – с улыбкой произнёс Филипп, поглядывая на Аристотеля.

У Александра вспыхнули жаром уши. Он поднял подбородок и, глядя отцу в глаза, решительно заявил:

– Когда я вырасту, совершу великие подвиги, как Геракл и Ахилл, но если ты оставишь места для моей славы. Я могу не успеть за тобой, смотря, как ты расправляешься с врагами Македонии.

Филипп расхохотался во весь голос, хлопая себя по коленям.

– Но ведь я добываю славу и новые земли для тебя! – успо-

коившись, сказал он.

– Что толку, если у меня будет полно добра и мало дела! – парировал сын.

– Александр, твоё стремление мне знакомо, в этом ты очень похож на меня в молодости. Сейчас я понял, что ты будешь великим полководцем, отчего македонского царства тебе покажется недостаточным. Ты пойдёшь дальше, гораздо дальше, чем я даже предполагаю.

Филипп перевёл дух, лицо его посерьёзнело.

– Да, сын мой, иди дальше меня, если почувствуешь себя Гераклом, великим предком нашей семьи. Но лишь бы не пришлось тебе раскаиваться в содеянном, чего уже более нельзя изменить. Ты это понял, Александр? – строго спросил он.

– Понял.

– Вот, молодец. Теперь иди к себе, жди, когда наставник призовет к учёбе.

Откровенный разговор

Когда Александр вышел, Аристотель подумал, что царь закончит встречу, но Филипп сделал протестующий жест.

– Мы столько лет не виделись, Аристо. Неужели нам не о чём поговорить? Прошу, раздели со мной трапезу. У меня отличный повар, а ты, я знаю, знаток греческой кулинарии. Он будет доволен, если тебе понравится его блюда.

Он хлопнул в ладоши. Появился слуга, получив распоряжение, он вышел. Филипп, видимо, тоже был равнодушен к еде, поскольку продолжал говорить о своём поваре, которого звали Афиноген, с любовью:

– Пятнадцать лет назад он сбежал от сиракузского правителя Дионисия, для которого готовил помимо прочего особое блюдо из морских ежей. Недавно сотворил для афинского посольства, которое я принимал, удивительное кушанье: когда открыли крышку котла, по всему дворцу стоял аромат свежих роз, возбуждающий разум. Один из гостей тогда даже продекламировал: «Вдруг до земли и до неба божественный дух разливается, столь велико благоухание роз!» Можешь мне верить, Аристо, вкус блюда оказался сродни запахам розового куста в пору цветения. Афиноген раскрыл мне секрет: он истолок в ступе лепестки самых душистых роз, добавил сваренные птичьи и свиные мозги, вынув из них жилистые волокна, и подал под соусом с яичными желтка-

ми, оливковым маслом, перцем и вином. Вот что называется «искусство кулинара»!

Аристотель пожал плечами, намереваясь, по обыкновению, возразить собеседнику:

– Как бы ни был искусен повар, приготовление пищи я не считаю искусством, а лишь сноровкой в отличие от врачевания. Ведь врачевание постигло и природу того, что оно лечит, и причину собственных действий. А приготовление пищи целиком направлено на удовольствие её употребляющему, ему одному служит.

– Это почему?

– Потому что повар устремляется к своей цели вообще безрассудно и безотчетно, не изучив ни природы удовольствия, ни причины, не делая различий. Для него блюдо хорошее, если просто-напросто доставляет удовольствие тому, кому предназначено. Я стараюсь избегать таких кушаний, которые соблазняют человека поесть, не чувствуя голода. У Гомера волшебница Цирцея превращала людей в свиней, угощая их такими кушаньями в изобилии, и Одиссей держался от чрезмерного их употребления. Вот почему он не превратился в свинью.

– Я скорее соглашусь, нежели начну спорить с тобой по этому поводу. Самая простая еда доставляет мне не меньше наслаждения, чем роскошный стол, если только не страдать от того, чего нет. Даже хлеб и вода доставляют величайшее из наслаждений, если дать их тому, кто голоден. У македонян

от предков заведена привычка к простым и недорогим кушаньям. Она здоровье укрепляет и позволяет не страшиться превратностей судьбы.

Филипп с интересом слушал Аристотеля, открывая для себя незнакомые грани философии еды.

– Когда рядом с тобой есть прислужники, царь, которые исполняют любое твоё желание – я имею в виду сейчас поваров, – они начинают потчевать тебя чем-то таким, о чём сами понятия не имеют, но знают, что это наверняка вкусно. При случае готовы раскормить тебя до тучности, если их не остановить. А причина в их уверенности, что за своё усердие они будут окружены похвалами, а порой наградами. Только ради этого и стараются.

Аристотель говорил увлечённо, со знанием предмета, так как и в застолье любил «докапываться до истины». К тому же он был рад случаю познакомиться ближе с правителем страны, где предстояло жить и работать до совершеннолетия наследника.

Четверо слуг вынесли два низких стола, заставленных блюдами. Рядом на полу пристроили корзинку с ячменными и пшеничными хлебами, дразнящими аппетитными запахами. При виде хлеба Аристотель не удержался, напевно произнёс из стиха: «О сколько силков для хлеба ставят несчастные смертные! Давайте же споём хвалу хлебу».

Филипп поднял брови, с интересом спросил:

– Чьи стихи? Не слышал.

– Малоизвестного пока в Греции комедиографа Алексида из Фурий. Пишет талантливо, резко и смешно. Надо же, так написать о хлебе! Я очень люблю хлеб, особенно ячменный, для меня он платонический идеал простоты в еде. Говорю с убеждением, так как перепробовал всякие сорта: квашеный и не квашеный, из муки тонкого помола и грубый из непросеянной муки, ржаной или полбенный из проса. Но лучшим хлебом признаю духовой хлеб, испечённый в печи. Он вкусен и полезен, легко усваивается, не крепит и не расслабляет желудок.

Филипп охотно поддержал неожиданную для него тему:

– На македонских пирах в хлебе тоже нет недостатка. Его подают в начале и в самом разгаре трапезы. А когда едоки насытятся и уже не смотрят на выставленные кушанья, в качестве соблазнительной приманки выносят так называемые помазанные жаровенные лепешки. Они тают на языке с такой сладостью, что одно их появление приводит к удивительному результату: подобно тому, как пьяный частенько трезвеет, точно так же и сытый от полученного наслаждения превращается в голодного.

В подтверждение своих слов он восхищенно зацокал языком.

Тем временем *архитриклин*, виночерпий, разлил вино по чашам, после чего в воздухе повис выразительный запах «крови Диониса». Затем бесшумно исчез, словно растворился – хорошее качество расторопного слуги, – но появил-

ся толстячок с розовеющими щеками. Под глазами у него свисали дряблые мешочки, выдающие скрытые в организме недомогания, а может, пристрастие к чревоугодию или вину. Толстячок уверенно подошёл к царю. Аристотель догадался, что это царский повар. Филипп показал на стол, где посередине выглядывал большой горшок, прикрытый крышкой.

– Чем ты удивишь, Афиноген?

– О, царь, сегодня приготовлен суп из нарубленных голов угрей в дружном союзе с каракатицами, чесноком и луком и приправами. А приправой послужит сильфия. Вот ещё блюдо с морским скатом под соусом. Как управитесь, посоветую закусить парной кефалью, осьминогами, жареными в сухарях, и этими креветками.

Афиноген показал на золотистую горку, укрытую зеленью укропа. Повар произносил всё это комичной скороговоркой, голосом полным и приятным:

– А вот ещё улада для ваших голодных желудков – тушеный тунец; куски вырезаны из самых мясистых подбрюшных частей. Клянусь богами, не тунец, а вершина пира! Пуп застолья, я бы так и назвал своё блюдо!

Повар хлопотал над блюдами, расставленными на столах, не переставая говорить:

– О, едва не пропустил! Обратите внимание на горячие потроха и кишки откормленного поросёнка, хребет и ребра с горячими клецками. Великая радость для едока! – он повернулся к десертному столу, который появился в помеще-

нии, пока он выступал перед участниками трапезы. А вот, обращаю ваше внимание, мои винные пирожные и сласти в цветочных лепестках, пшеничные лепешки с глазурью, кисло-сладкие. Следом принесут ещё такое, что оставит в ваших желудках незабываемое ощущение божественного праздника.

Филипп был явно доволен произведённым на Аристотеля эффектом. Философ действительно не был готов к столь обильному сценарию за трапезой. Выходит, он имел очень отдалённое представление о македонском гостеприимстве.

– Всё! Всё! Уходи прочь с наших глаз! Надоел своей болтовнёй! – добродушно прикрикнул на повара Филипп и повернулся к гостю. – А мы, пожалуй, приступим.

Он театрально повёл носом, улавливая ароматы, исходящие от блюд, и неожиданно произнёс, как это сделал бы поэт или актёр: «Трепещут ноздри от запаха шалфея, а вот и мирра, ладан с ними, аир, стирай и майоран, и линд, и кинд, и кист, и мент*», – после чего принялся за еду, приглашая делать то же самое Аристотелю.

– Мой врач Критобул не раз говорил мне, – жуя, произнёс царь, – что перед выпивкой впору наесться, и лучше всего закусками, ибо, если пища попадает в желудок после вина, она губит не только хороший напиток, но ещё может вызвать всякие неудобства и даже боль. Слава Зевсу, македоняне никогда не признавали умеренного питья. Мы сразу напиваемся допьяна уже к первым переменам блюд так, что даль-

ше уже не способны наслаждаться едой. – Царь оторвался от еды. – Зная за собой такое, я постоянно борюсь с собой, но нередко позорно сдаюсь перед обстоятельствами. Особенно на пирушках с военачальниками.

Филипп громко захохотал, широко раскрывая рот. Аристотель в ответ улыбнулся, поддерживая его настроение.

– Тебе известно, царь, что я имею отношение к медицине, если исходить из семейной традиции. Могу подтвердить, что в начале трапезы следует избегать обильных винных возлияний. Они препятствуют обработке пищи, поступающей после них. Из этих соображений лучше всего употребить закуски из зелени и белой свеклы. Хороша также солонина из морской, озерной и речной рыбы, ибо она малопитательна, малосочна, суха, легко переваривается и возбуждает желание участвовать в дальнейшей пирушке.

– Нет, Аристо, для возбуждения аппетита лучше мы употребим маслины в особом рассоле, по рецепту Афиногена, он называет их «утопленницами». – Царь взял горсть маслин и стал с удовольствием их поглощать. – А вот ещё репа в горчичном уксусе, для той же цели.

Аристотель не отказывался ни от чего, что предлагал царь, с удовольствием угощался вином. После нескольких чаш хозяин стола и его гость насытились и расположились к умственным размышлениям. Понимая, что Филипп оставил его не только ради трапезы, Аристотель поспешил спросить:

– Царь, если позволишь, могу я узнать, почему в настав-

ники своему сыну ты пригласил меня? Ведь я более философ, нежели педагог. Разве в Греции недостаточно учителей, готовых оказать македонскому царю столь важную услугу?

Филипп, видимо, ожидая такой вопрос, не удивился.

– Ты правильно заметил, Аристо, говоря о «важной услуге». Что может быть важнее для царя Македонии, чем желание иметь в лице наследника надёжного продолжателя своего дела? Я хочу видеть Александра лучшим из правителей Греции, и даже чтобы он был лучше меня. Разве решение такой задачи я могу доверить другим учителям, даже очень знаменитым? Тебе нужно понять, друг Аристо, что с семи лет Александром занималась его мать. Она сама нанимала учителей и воспитателей, по своему вкусу и желанию. Ты разве не предполагаешь, чем это закончится для Александра, когда он вырастит. – Филипп уже не сдерживался. – Нет, в его возрасте материнское влияние выглядит пагубно. Именно этим я и недоволен!

– Но моими учениками всегда были взрослые люди, каждый имел определённый запас высоких знаний. Я общался с ними как философ.

– А разве воспитание юношества не удел философии? – В голосе царя прозвучало раздражение. – Часто молодые люди не знают, что такое рассудительность, делают опрометчивые поступки. А кто может их познакомить с рассудительностью? Только если с ними поделится знаниями философ. Вот почему я предложил дальнейшее воспитание сына тебе

в надежде на то, что мой сын извлечёт пользу от общения с тобой, овладеет эллинской культурой, а это обязательно принесёт пользу ему и народу, которым он будет управлять.

– Соглашусь с тобой, – отозвался спокойно Аристотель. – Ещё Платон хотел, чтобы философы служили у царей советниками. Только мудрецы могут уберечь правителей от ошибок, а если в каждом государстве появятся мудрые правители, народы почувствуют себя счастливыми.

Филипп удовлетворённо хмыкнул, налил до краёв свою чашу и выпил *апневисти* – разом, не прерываясь, словно утолил обычную жажду. Кинул в рот кусок желтоватого сыра, медленно прожевал и продолжил:

– С чем не соглашусь, будто философией следует заниматься всю жизнь. Если царю философствовать больше, чем следует, существует опасность остаться без опыта, какой даёт обычная жизнь. Он останется совершенно неопытным в человеческих отношениях, в радостях и желаниях, потеряет способность познавать свой народ. Такой царь становится непонятым и как следствие не уважаемым своим окружением и народом. Он покажется смешным, если для решения государственных дел он каждый раз будет обращаться к философии, как послушный ребёнок. Тебе ли, Аристо, не знать судьбу несчастного Гермия, большого друга философии!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.